
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕХОДА ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ*

(общий контекст социальной эволюции при
образовании раннего государства)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

**Часть 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ
ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ.**

**Часть 2. ПОЛИТОГЕНЕЗ И ДРУГИЕ
ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
ПОСТПЕРВОБЫТНОСТИ.**

**Раздел первый. ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТАДИИ
ПОЛИТОГЕНЕЗА.**

1. Некоторые замечания о политогенезе.

- 1. 1. О терминах. Политогенез и стейтогенез.**
- 1. 2. Понятие политогенеза.**
- 1. 3. Стадии и этапы политогенеза.**
- 1. 4. Политическая и другие виды власти.**
- 1. 5. Особенности протекания политогенеза в разных обществах.**

---

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 2001. № 4.

2. Догосударственная стадия политогенеза.
  2. 1. Предварительные замечания.
  2. 2. Общее направление развития.
  2. 3. Пути политогенеза.
3. Раннегосударственная стадия политогенеза.
  3. 1. Общие и политические процессы.
  3. 2. Отличия обществ раннегосударственной стадии от обществ догосударственной стадии.
  3. 3. Раннее государство и другие формы.

Раздел второй. СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТОГЕНЕЗА И ДРУГИХ ПРОЦЕССОВ.

1. Предварительные замечания.
2. Политогенез и этногенез.
3. Политогенез, производство и демографические процессы.
4. Политогенез и распределение благ.
5. Политогенез и религия.
  5. 1. Особые функции религии. Религия и политика.
  5. 2. Религия и стадии политогенеза.
  5. 3. Цивилигенез и политогенез.
6. Политогенез и социальная структура.
  6. 1. Общие процессы.
  6. 2. Смена элит и политогенез.
7. Политогенез и война.
  7. 1. Концентрация вооруженной силы и политическая власть.
  7. 2. Роль войн.

Часть 3. СТЕЙТОГЕНЕЗ: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ДРУГИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ¹.

---

¹ В настоящем номере изложение доведено до конца второй части. Продолжение в следующих номерах.

В первой части данной работы были рассмотрены некоторые общие моменты, присущие всем процессам постпервобытности. Напоминаю, что постпервобытность здесь трактуется как период от зарождения сельского хозяйства до появления цивилизаций.

Во второй части работы показывается место политогенеза в эволюции рассматриваемого периода и анализируется его соотношение с каждым из постпервобытных процессов в отдельности. В соответствии с этими задачами вторая часть разбита на два раздела. В первом разделе даются характеристики политогенеза и исследуются его стадии на фоне общего потока постпервобытных изменений. Во втором – политогенез последовательно сравнивается с другими процессами.

Часть 2. ПОЛИТОГЕНЕЗ И ДРУГИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОСТПЕРВОБЫТНОСТИ

Раздел первый. ХАРАКТЕРИСТИКИ И СТАДИИ ПОЛИТОГЕНЕЗА

1. Некоторые замечания о политогенезе

1. 1. О терминах. Политогенез и стейтогенез

Термин «политогенез» получил признание в отечественной науке в 1970–80-е годы. Его активно разрабатывал, в частности, Л. Е. Куббель. Но он, как и многие из тех, кто сегодня пользуется этим словом, считал, что политогенез есть процесс формирования исключительно государственности². Такой взгляд вытекает из еще господствующего, но, тем не менее, устаревшего представления, что: а) все негосударственные формы, по определению, являются догосударственными; б) развитие политических институтов и форм вело прямой дорогой к образованию государства. Мы убедились, однако, что политогенез невозможно свести

---

² См., например, Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. С. 3.

только к образованию государства, хотя бы потому, что параллельно с государством существовали и развивались сложные политии негосударственного типа, которые по уровню развития никак нельзя отнести к догосударственным³.

Следовательно, налицо подмена более широкого процесса складывания различных политических форм и институтов, то есть политогенеза, более узким (и более поздним) – формированием государства. Поэтому в первой части данной работы для процесса образования собственно государства я предлагал ввести особый термин – стейтогенез (от английского слова «state» – государство)⁴. Я убежден, что разграничение политогенеза и стейтогенеза способно облегчить анализ политических и иных процессов постпервобытности.

В западной антропологии также налицо неправомерное сведение широких политических процессов к более узким. Но терминологически ситуация как бы зеркальная. Понятие политогенеза там отсутствует (по крайней мере, в англоязычной литературе), поскольку политические антропологи считают достаточным термин «state formation process»⁵. Поэтому было бы очень хорошо, если бы в их словарь вошел термин «политогенез» («politogenesis»), который можно было бы использовать для обозначения процесса формирования любого типа сложной политической организации⁶.

Таким образом, политогенез выступает как более общее понятие, описывающее генезис политической подсистемы общества, а стейтогенез как особого рода политогенез, раз-

---

³ См. первую часть настоящей работы: Гринин Л. Е. Генезис государства..., особенно с. 12–13.

⁴ См.: там же.

⁵ Правда, в ходу такие термины, как «сложное общество», уровни «социокультурной сложности» и т. п. («complex society», «sociocultural complexity»), а некоторые ученые как о противоположности государству с его иерархией говорят о т. н. гетерархии («heterarchy», см. также сноску 58). Но этого, думается, недостаточно.

⁶ См. по этому поводу: Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. *Alternative Pathways of Social Evolution*. P. 66–67.

витие которого ведет именно к государству. В результате стейтогенеза в управлении обществом все большую роль начинают играть административные, силовые и правовые методы.

Очевидно, что стейтогенез «моложе» политогенеза. И подобно тому, как сам политогенез выделяется из общего процесса социальных (в широком смысле слова) изменений, на определенном этапе политогенеза начинается отпочкование от него стейтогенеза. Стоит отметить, что стейтогенез требует гораздо больших территории, населения, богатства для своего начала, чем политогенез. Постепенно стейтогенез становится ведущим, а затем и вообще доминирующим направлением политогенеза. Поэтому и создается впечатление, что политогенез и есть собственно процесс формирования государства как института. Однако это совсем не так.

Стейтогенез не только «моложе» политогенеза. Но даже когда появились первые ранние государства, политогенез никогда не сводился только к одной – государственной – линии. Напротив, таких линий было много, и государственная среди них была сначала исключением, а затем длительное время – более редким случаем. Об отличиях раннего государства от аналоговых ему форм речь пойдет в третьей части.

Первые признаки стейтогенеза можно увидеть в конце догосударственной стадии политогенеза, когда появляются достаточно сложные политии, в том числе и такие, которые я назвал «догосударственными государствами»⁷. Во второй стадии политогенеза начинается длительное эволюционное соперничество между различными аналогами государства и примитивными ранними государствами. Ведь эволюционные преимущества последних проявляются прямо пропорционально к объему территории, населения, богатства обществ, а для накопления всего этого требовалось длительное время. Таким образом, **различение политогенеза**

---

⁷ См.: Гринин Л. Е. Генезис государства... С. 20–24.

и стейтогенеза особенно важным будет именно для второй – раннегосударственной – стадии политогенеза.

И лишь на третьей стадии политогенеза – стадии сформировавшегося государства – государство как институт начинает преобладать и все заметнее оттеснять аналоговые формы на периферию. Многие аналоги исчезают, другие трансформируются в государства. Даже когда государственные формы стали правилом, некоторые аналоговые формы в разных регионах сохранялись до нового времени, а кое-где (в Африке и др.) еще в XIX веке.

В соотношении политогенеза и стейтогенеза нужно указать еще на два момента. Во-первых, я полагаю, что образование первых в истории ранних государств происходило не путем скачка от догосударственных политий к государству, а, так сказать, горизонтально. Иными словами, сначала из догосударственных форм образовались какие-то аналоги раннего государства. И лишь по мере развития таких аналогов и увеличения числа их форм могли появиться уже и первые государства⁸. В дальнейшем же путь стейтогенеза мог уже спрямляться, и в некоторых случаях государство формировалось сразу из догосударственных форм. Но немало вторичных и третичных государств образовались, проходя через фазу аналога государства.

Во-вторых, циклы централизации и децентрализации государств, которые являются одними из самых важных исторических процессов в древней и средневековой истории, в каких-то случаях можно интерпретировать и как оппозицию стейтогенеза и политогенеза. В самом деле, распад крупных (особенно незрелых) держав на мелкие части нередко приводил к появлению политий такого типа, которые бывает весьма затруднительно отнести к государству, как по причине их малого размера и слабости аппарата, так и неопределенности их суверенитета. Политогенез рождал разные политические формы, но развитие через какое-то время вновь возвращалось на дорогу стейтогенеза.

---

⁸ К этой проблеме мы вернемся в третьей части работы.

1. 2. Понятие политогенеза

Исходя из сказанного, **политогенезом можно считать процесс выделения в обществе политической стороны как самостоятельной и появление особых властных форм организации общества.** Все это, естественно, связано с концентрацией власти и политической деятельности (как внутренней, так и внешней) в руках определенных групп или слоев.

Тут кстати заметить разницу в объеме содержания в понятиях **политогенез и политика**. Политика, особенно внешняя, намного древнее политогенеза, поскольку улаживать отношения с соседями и принимать решения, связанные с управлением, выборами и т. п., приходилось всегда. Но пока коллективы были маленькие, все это не выступало ни как особая сфера деятельности, ни как возможность для устойчивой профессионализации. И очень долго потребность в систематическом профессиональном управлении была слабой. Поэтому социумы не испытывали нужды в особой управляющей надстройке, обходясь традиционной властью старшинства, авторитета или действиями «общественности» и «активистов». Политическую власть вполне могли заменить: а) установление новых (и развитие старых) видов неравенства; б) социальная стратификация, то есть разделение общества на определенные группы, линии, корпорации; в) общность интересов в ряде совместных действий (ритуальных, военных, трудовых).

Таким образом, если рассматривать политогенез в ряду с другими постпервобытными процессами, его следует считать одним из важнейших путей решения ранее описанной эволюционной задачи: найти новые формы организации усложнившегося общества и отношений с другими обществами. Но в каждом обществе в зависимости от множества причин главными на тех или иных этапах развития могли быть разные процессы (религиозные, социальной стратификации, имущественного неравенства). Иногда решающее значение мог иметь и политогенез. Но, думается, **длительное время, по крайней мере до образования государств,**

в большинстве случаев он играл подчиненную роль. Да и сама политическая власть часто была производной от других форм организации общества и других видов власти, например сакральной или основанной на личных качествах руководителя, и только постепенно обретала самостоятельность. Поэтому политогенез очень часто начинается как побочный процесс и идет как дополнение к усилению родовитости, статусности и сакральности, частично и других процессов.

Но и для постпервобытной эволюции в целом, и для ее политической составляющей исключительно важно иметь в виду рост объемов общества и усложнение межобщественных контактов. Эти процессы неизбежно вызывали потребность в управлении, контроле, принятии норм, политических и административных решений. И все это создавало объективную необходимость в появлении особой политической власти. А увеличение роли войн как способа решения межобщественных проблем и как способа концентрации и перераспределения благ способствовало профессионализации военного дела. В результате этих изменений и возникает политогенез как особый, самостоятельный процесс, который затем при благоприятных условиях в некоторых случаях может стать ведущим в развитии общества.

1. 3. Стадии и этапы политогенеза

Политогенез начинается задолго до появления ранних государств. Естественно, что в этом длительном процессе можно выделить определенные стадии. Хотя разделение на стадии неизбежно огрубляет представления, тем не менее без этого не обойтись. В море разнообразных и часто весьма противоречивых фактов периодизация дает важные ориентиры, без которых продуктивный анализ сколько-нибудь значительного временного отрезка эволюции практически невозможен. Поэтому я согласен с Робертом Карнейро, что противопоставление процесса и стадий – это ложная дихотомия⁹. И, я бы добавил, вредная. Не опираясь на стадии и

---

⁹ См.: Carneiro R. L. Process VS. Stages...

их характеристики, исследователь, который обобщает факты из истории и жизни разных обществ, использует сравнительный метод, неизбежно сталкивается с опасностью ошибок. Поэтому очень часто явления, принадлежащие разным стадиям, рассматриваются как стадийно равные, и, напротив, одностадийные вещи принимаются за последовательно эволюционные.

Если выразить логику, которой так или иначе придерживаются многие исследователи, в политогенезе в общеэволюционном плане можно выделить следующие стадии:

1. Догосударственная.
2. Раннегосударственная.
3. Государственная, т. е. стадия сформировавшегося государства.

Но в отличие от концепций Сервиса, Фрида и некоторых других, в основе которых также лежат эволюционные стадии развития, я особо подчеркиваю принципиальный момент: **общества достигают указанных стадий в самых разных политических и социальных формах. Никакой унификации и однолинейности здесь нет и быть не может.** Данная периодизация имеет следующую цель: установить по возможности сходства внешне несхожих обществ по их сложности, уровню развития и функциям и подчеркнуть многолинейность эволюции, но при этом не забывая о том, что среди линий эволюции можно выделить главную (генеральную), каковой и является формирование государства. Этот момент нашел отражение в названиях стадий, которые связаны с государством.

В настоящей работе дается системный анализ только первых двух стадий, относительно же третьей стадии я делаю лишь отдельные замечания.

В каждой стадии политогенеза в зависимости от научных задач можно выделять определенное число этапов. В нашем случае достаточно остановиться на трехэтапной схеме. Тогда первый этап соответствует началу стадии, второй – ее зрелости, третий – выступает как подготовительный к переходу на новую стадию. Но переход на сле-

дующую стадию и даже на следующий этап стадии происходит не во всех, а только в некоторых обществах и случаях, поскольку далеко не все социумы способны к такой эволюции.

В данном параграфе даны только предварительные (очень краткие и схематичные) характеристики первых двух стадий политогенеза, более обстоятельный их анализ сделан дальше.

Прежде всего, отметим, что первая – догосударственная – стадия политогенеза связана с примитивным сельским хозяйством (в некоторых случаях и с интенсивным присваивающим хозяйством), а вторая (раннегосударственная) стадия – с интенсивным сельским хозяйством.

Говоря очень обобщенно, наиболее универсальным эволюционным итогом первой стадии было создание и оформление социального неравенства в разных видах. Но это неравенство еще не антагонистично, поскольку сохранялись многие традиции эгалитарности и / или демократии.

Если же говорить о политических аспектах, то их существенное развитие характерно далеко не для всех обществ. Однако во многих случаях **власть концентрируется у меньшинства и начинается ее отделение от основного населения.** Но это отделение обычно очень неполно, поскольку она пока слабо дифференцирована, и только ретроспективно угадывается выделение политической и административной власти из общих властных функций. Отделившаяся власть держится еще на стержнях, которые связаны с авторитетом религии, личным влиянием, родовой силой традиции. *Поэтому власть остается больше согласительной, чем принудительной.*

Следует особо отметить, что на переходном от первой стадии ко второй этапе (*предгосударственном*) уже заметны некоторые признаки и черты раннегосударственной стадии, намечается борьба старого и нового. В частности, неравенство первично институционализируется в ряде обществ именно на этом этапе. Начинается конфликт нера-

венства и традиций эгалитарности, в результате чего возникает потребность в новых общественных формах.

Во второй – раннегосударственной – стадии вместе с расширением объемов обществ усиливается **необходимость закрепить и институционализировать неравенство, создать для этого новые общественные формы**. В итоге возникает уже **система** отношений, институтов и идеологии, которая закрепляет неравенство и расслоение общества.

Активно формируется политическая подсистема общества, идет дифференциация видов власти, и в целом отделение власти от населения усиливается. Очень важно, что начинается **процесс отделения от общества уже не только власти, но и управления**, которое в ряде обществ становится *особой функцией целой группы людей, организованных специально для ее выполнения*. Принудительный характер власти заметнее, но только в третьей стадии политогенеза она становится преимущественно принудительной.

Усложнение обществ неизбежно связано и с усложнением отношений между ними. А это делает войны и в целом внешнюю политику (а нередко и вообще внешние сношения, включая торговлю) делом прежде всего элиты, что усиливает неравенство и способствует новой структуризации обществ.

1. 4. Политическая и другие виды власти

Любой вид накопления и концентрации благ и социальных качеств так или иначе связан с **накоплением и концентрацией власти**. Поэтому власть может концентрироваться не только в политической, но и в иных сферах: прежде всего в экономической и духовной. И очень долгое время полного разделения видов власти могло не происходить. *Но чем яснее отделяется власть от общества, чем прочнее она надстраивается над обществом и чем шире ее функции, тем заметнее в этой власти ее политическая и управленческая составляющие; тем заметнее эта верхов-*

ная власть становится властью политической. Естественно, что какие-то моменты сочетаются с концентрацией политической власти, а какие-то ей противоречат¹⁰.

Таким образом, по мере роста неравенства и необходимости его поддерживать, развития специализации, усложнения или обострения межобщественных отношений **идет процесс выделения политической стороны и отпочкования от власти вообще собственно политической власти.** И хотя «всегда была какая-то степень централизации решений во всех человеческих культурах»¹¹, описанная выше политическая власть вызрела очень долго.

В дифференциации видов власти, за которыми стояли те или иные элиты, большую роль играла их конкуренция. Соперничество богатства и власти, духовных и военных лидеров, родовитости и личной преданности, традиции и новации легко увидеть в ранней истории многих обществ.

Отделение власти усиливается во второй стадии политогенеза. Но этот процесс становится завершенным (в какой-то степени) только в третьей стадии политогенеза, а то и много позже. В целом для земледельческих обществ полная дифференциация видов власти нехарактерна¹², чаще встречается какой-то устойчивый симбиоз власти, который является более прочным (подобно тому как чистая медь уступает по прочности ее сплаву с оловом – бронзе). Но в этом симбиозе постепенно на первое место выходит именно управленческо-контрольная сторона.

Что же следует понимать под политической властью, если не углубляться в тонкости? Очевидно, что она связана с управлением, контролем или принятием решений (законов), необходимых для управления своим и взаимодействия

---

¹⁰ Например, без концентрации населения она затруднена, так как природные и технические ограничения не позволяют эффективно управлять на расстоянии. «...Несомненно, существует предел размеров территории, над которой вождь может сохранять эффективный контроль», – пишет, например, Чарльз Спенсер (Spenser C. S. The Political Economy of Pristine State Formation. P. 155).

¹¹ From Leaders to Rulers. P. 35.

¹² Процесс этот в чистом виде проявляется только в современности в развитых демократиях, а в древности более чистым был только в небольших демократических полисах.

с другими социумами. Главная особенность политической власти по сравнению с другими ее видами – **верховность и суверенность**. Это означает, что в идеале она главенствует над всеми другими видами деятельности в рамках территориальных и населенческих границ общества. Верховность означает, что существует главный источник власти, который эту власть делит, делегирует, использует по своему усмотрению и с определенной процедурой. Разумеется, на практике политическая власть так или иначе ограничивается, может оказаться недостаточно сильной или активной, быть подчиненной другим силам. Но хотя бы без представления, что именно политическая власть является ведущей в обществе, не может в принципе существовать развитое государство.

Верховность и суверенность власти возможны только притом, что она **неспециализированна**. Неспециализация означает, что политическим может стать любой вопрос и аспект, что можно политическими методами регулировать все, что политическая власть может опираться на любой другой вид власти, равно как и подавлять любой другой ее вид. Опять же на практике будет верховная власть вмешиваться в те или иные дела или нет, может ли она взять на себя такое бремя или нет, какие правила игры она установит и т. п., зависит от массы условий и обстоятельств. Но в принципе должно иметься убеждение в том, что при каких-то обстоятельствах власть имеет право регулировать все.

Неспециализация политической власти частично объясняет и причину большого разнообразия политических форм, поскольку, во-первых, под контроль попадает только часть дел, в каждом случае разная; во-вторых, конкретный баланс сил в обществе может влиять на политическое устройство.

1. 5. Особенности протекания политогенеза в разных обществах

Анализ перехода от менее сложных к более сложным и перспективным системам позволяет выделить важные признаки и параметры такого перехода. Однако из этого обще-

эволюционного «набора» функций и признаков в каждом обществе присутствует лишь часть, поскольку остальные либо не нужны, либо не сформировались, либо компенсируются другими.

Кроме того, в конкретных социальных системах и ситуациях: а) одни явления и признаки делают излишними другие либо не сочетаются с ними; б) появление одних может вести к деградации других или, напротив, – к появлению новых. Так, рынок ослабляет административный контроль и аппарат; сильная аристократия препятствует появлению самодержавной власти; сосредоточение в руках монарха политической и сакральной власти способствует централизации государства и т. п.

Следовательно, форма политики определяется многими обстоятельствами.

При анализе конкретного хода политогенеза в каких-либо обществах надо учитывать:

- включенность данной политики в более широкие политические и иные процессы и в целом геополитическую роль ее территории;
- внутренние или внешние процессы являются ведущими в политогенезе, роль в нем войн;
- является ли политогенез решающим фактором для усиления процессов социального и имущественного расслоения, иерархии в обществе или, наоборот, сам порожден ими и только закрепляет их;
- общий политический, технологический и культурный уровни эпохи и региона, а также возможность для исследуемой политики использовать этот опыт. Чем позже эпоха, тем могут быть развитее право, религия, письменность, средства коммуникаций, денежная система и другое, что способно колоссально влиять на темпы политогенеза, объемы территории политики, развитость институтов и т. д.¹³;
- затрудненность или легкость контактов.

---

¹³ Эта общеизвестная истина, к сожалению, фактически учитывается недостаточно, а то и вовсе игнорируется.

Для перехода на новую стадию политогенеза и даже на следующий этап внутри стадии нужны особые условия, а также катализаторы, то есть обстоятельства, которые хотя и не относятся прямо к политогенезу, но облегчают и ускоряют его ход. Такими условиями могут, например, выступать:

- появление очень большого прибавочного продукта и / или резкий рост населения;
- участие в выгодной торговле и контроль за торговыми путями (сухопутными и морскими). Масса политий и государств расцвела на этом, и с уходом торговли многие из них исчезли или захирели;
- появление выдающихся личностей в нужный момент;
- счастливый случай (например, удачная война) и т. п. К числу катализаторов можно отнести:
- изменение социального окружения (появление богатого, более культурного или опасного соседа, включение в сложную политическую и военную игру);
- заимствование каких-то культурных и социальных элементов (религии, развитых денег, письменности и т. п.);
- появление каких-то технических, технологических или производственных новшеств, вроде металлов, верховых животных и прочего, что позволяет преодолеть планку географической среды или дает преимущества в военной сфере¹⁴.

2. Догосударственная стадия политогенеза

2. 1. Предварительные замечания

Дальнейшее изложение материала построено во многом с опорой на анализ двух первых стадий политогенеза. Но необходимо сделать некоторые пояснения. Если читатель помнит, то в качестве ориентира для периодизации истори-

---

¹⁴ Например, каждое продвижение в использовании лошади могло влиять на процессы. Появление боевых колесниц изменило военное дело. Появление конницы, а затем изобретение седла и стремян резко усилили военные и политические возможности кочевников. Изобретение хомута существенно изменило земледелие, а также транспорт.

ческого процесса я использовал смену принципов производства благ и смену этапов внутри них¹⁵. И было бы правильно при описании постпервобытных процессов опираться на названия этапов принципа производства и формации в целом. При таком подходе догосударственной стадии политогенеза соответствуют: первый (переходный), второй (молодости) и частично третий (расцвета) этапы аграрно-ремесленного принципа производства; раннегосударственной – частично третий и частично четвертый (зрелости); государственной – четвертый и пятый (высокой зрелости) его этапы.

Но этот научно более верный подход потребовал бы двойной, а значит, и очень громоздкой терминологии. И, поскольку в данной работе в центре внимания все же политогенез, я решил оставить для обозначения стадий постпервобытности названия стадии политогенеза. Но, конечно, тут нет никакой редукции общего к частному, а есть лишь условность, сделанная исключительно для удобства.

В данном разделе речь идет о **принципиально догосударственных формах**, то есть образованиях не выше простых вожеств, сравнительно небольших самоуправляемых (или с правителем) городских общин, крупных сельских общин с какими-то органами управления, племен или крупных кланов (и их примитивных конфедераций) и т. п. Иными словами, речь идет об общественных формах, которые никак не сравнимы с государством ни по сложности, ни по объему, ни по выполняемым функциям.

Средняя численность населения обществ данной стадии колеблется от нескольких сот человек до нескольких десятков тысяч. Однако здесь не обойтись без уточнения. Во-первых, объемы обществ в начале и конце этой стадии существенно меняются. Во-вторых, более или менее централизованные или компактные образования типа вожеств, городских общин и т. п. по населению располагаются в ин-

---

¹⁵ См.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. 2000. № 1. С. 14–35. Он же. Производительные силы и исторический процесс. С. 38–40, 66–78.

тервале от нескольких сот человек до нескольких тысяч¹⁶. Десять тысяч – это уже предел, редко преодолеваемый. Население же рыхлых образований, вроде нецентрализованного племени или группы этнически родственных племен, не имеющих общей политической организации, но тесно контактирующих между собой, могло достигать нескольких десятков и даже больше тысяч человек. Иногда, при большой войне, крупном переселении и других переломных обстоятельствах, они могли образовывать временную политическую конфедерацию, но обычно непрочную. Относительно же оформленные «политические» сегменты таких общностей: племена, кланы – включают в себя не больше нескольких тысяч человек.

Территория также не могла быть слишком большой. Некоторые даже считают, что наиболее подходящие размеры для такого образования – это территория с радиусом в полдня пути от центрального поселения¹⁷. Конечно, размеры зависят и от транспортных возможностей (одно дело пешая ходьба, иное – конный транспорт).

2. 2. Общее направление развития

Теперь мы немного подробнее скажем о главных направлениях эволюции в догосударственной стадии. Но следует напомнить, что, когда речь идет об общих, универсальных эволюционных итогах развития, это означает, что в такой формулировке я пытаюсь обобщить результаты развития максимального количества обществ, безотносительно к тому, как они развивались политически. Ведь в каждом обществе не могут одинаково изменяться все сферы. Напротив, в каких-то из них происходят очень значи-

---

¹⁶ Например, вождества Новой Каледонии к середине XIX в. насчитывали от 500 до 2000 человек (Народы мира. С. 200). Т. Ёрл писал, что население вождества в пределах централизованной региональной структуры – это тысячи человек (исп.: Lozny L. The Transition to statehood in Central Europe. P. 87). Юрий Березкин замечает, что доиспанские вождества в Лат. Америке демографически близки к населению одного из современных департаментов в горной Гватемале, в котором жило 8 тыс. человек (Berezkin Y. E. Alternative models of middle range society. P. 76).

¹⁷ Spenser C. S. The Political Economy of Pristine State Formation. P. 155–156.

тельные перемены, а в каких-то – сравнительно небольшие. И отставшая подсистема порой подтягивается очень долго, а то и никогда не догоняет передовую. Таким образом, даже находясь на одинаковых этапах одной стадии, общества могут существенно уступать друг другу в политическом, социальном или духовном развитии.

Наиболее универсальным результатом развития было появление и оформление социального неравенства в разных видах и выработка первичных механизмов его закрепления. Это выражалось, в частности, в следующем:

- Переход от эгалитарности к оформленному уже на социальных началах неравенству¹⁸. Это означает, что очень по-разному, но происходит выделение элиты. Возникают разные виды и линии социального неравенства, в том числе по признакам родовитости, богатства, должности, статусу, причастности к сакральным тайнам, способности использовать для своих целей общественные богатства и возможности. Появляются рабы и неполноправные.
- Аккумуляция и новое перераспределение прибавочного продукта на общие пиры, работы и постройки, содержание руководителей и жрецов, войны. Значительная часть прибавочного продукта идет в центр и элите. Усиливается значение дани и военного грабежа. Расцветает престижная экономика, для функционирования которой требуются усилия выдающихся людей или администраторов.
- Рост общественного разделения труда, которое выражается в появлении полупрофессиональных или профессиональных управителей, воинов, жрецов, интеллектуа-

---

¹⁸ Используя терминологию и мысли Мортон Фрида, можно сказать, что шел процесс перехода от эгалитарных обществ к ранжированным, то есть от социумов, в которых нет изначальных социальных ограничений для получения определенного статуса среди людей одного возраста и пола, к таким, в которых такие ограничения есть, хотя они еще не ведут к ограничению доступа к наиболее важным ресурсам общества (см.: Fried M. H. The Evolution of Political Society. P. 33, 109, 186).

лов, торговцев, слуг. Начинается и межобщественное разделение труда.

Среди указанных направлений развития можно выделить и политические аспекты. В целом, как говорилось, на этой **стадии начинается отделение власти от основного населения и отпочкование политической власти от иных ее видов**. Это выражается, в частности, в появлении особых должностей, сосредоточении власти в руках определенных групп, линий, семей; в перераспределении на управление и управителей все большего количества благ.

Но, как говорилось, отделение власти еще не отделение управления, поскольку устойчивость власти и властные рычаги в большинстве политий чаще опираются на силу религии, магии, традиции, авторитета, поддержку родовых групп, личные способности и в гораздо меньшей степени определяются наличием организованной силы и аппарата. Поэтому концентрация управленческой функции часто являлась для лидеров не самоцелью, а скорее средством решить объективно стоящие и важные как для общества, так и для элиты проблемы, например, при совместных сакральных стройках или действиях, престижных пирах, каких-то акциях элиты, войнах и т. п. Но постепенно концентрация управленческой функции становилась важнейшей целью, поскольку это все заметнее обеспечивало почет, богатство и особые привилегии.

Можно считать, что достаточно заметное выделение политической сферы было хотя и нередким, но вовсе не обязательным явлением. И все же даже там, где политогенез задерживался, шла выработка механизмов принятия общих решений, росла роль войн и торговли, и в результате усложнения общественной структуры увеличивалась потребность в развитии политической сферы.

Однако во внешних сношениях и самые отсталые социумы вынуждены были играть по политическим правилам. По сути, во многих случаях войны становились перманентными. А вместе с этим развивались военный грабёж и эксплуатация побежденных, разнообразные военно-полити-

ческие союзы и конфедерации. Развитие политической подсистемы обществ, с одной стороны, обуславливалось интеграцией обществ, с другой – само способствовало их интеграции. А так как размеры политий росли, новые уровни интеграции вели к централизации или, по крайней мере, объединению людей в политических акциях¹⁹. Рост интеграции также обострял борьбу за то, кто будет центром объединений, что всегда являлось важнейшим источником политического развития.

2. 3. Пути политогенеза

На первой стадии в зависимости от изобилия и развития форм неравенства можно говорить о разных путях отпочкования политогенеза от общих процессов.

1. В некоторых случаях на плодородных почвах даже примитивное земледелие давало много прибавочного продукта. Тогда возникала необходимость найти эффективные способы его аккумуляции и распределения, а иногда (в зависимости от сельскохозяйственной технологии) и контроля за производством, а то и прямого управления им. В этом случае легче (под воздействием производственной необходимости) выделяется административная сторона и меньше потребности в поиске богатства на стороне, за пределами общества, по крайней мере до определенного уровня развития.

2. Иногда в случае появления достаточного объема прибавочного продукта и сложения особой системы религии (идеологии) в роли организаторов интеграции обществ и аккумуляции прибавочного продукта выступают служители культа. Тогда управленческая сторона выделяется как добавочная к обслуживанию интересов религиозных лидеров и корпораций. В роли «зачинщиков» отделения политических аспектов могли выступать иной раз тайные союзы, создаваемые нередко с целью найти возможность оторваться от родовых традиций и защититься от их давления более

---

¹⁹ Earle T. K. Institutionalization of Chiefdoms. P. 105.

состоятельную или более нонконформистскую часть населения.

3. Начало политогенеза может быть связано с поиском внешних источников богатства. Неорганизованная внешняя эксплуатация очень характерна для первой стадии политогенеза²⁰. А поскольку война всегда связана с определенной иерархией и необходимостью командовать и подчиняться, равно как и с неизбежным проявлением личной инициативы, она способствует развитию политогенеза и военной элиты.

4. Несельскохозяйственная деятельность: торговля, ремесло, мореплавание – могут способствовать особому типу политогенеза. В торгово-ремесленных обществах значительно сильнее продвигается процесс специализации, а это означает, что потребность в механизме горизонтальных связей усиливается. Будет ли таким рынок, престижная экономика, корпорации или что-то иное, в любом случае структурирование общества и неравенство приобретают заметные черты. Торговля и ремесло неизбежно требуют самоуправления, выработки четких правил принятия и исполнения решений. Кроме того, в торгово-ремесленных поселениях, как правило, выше концентрация населения, что облегчает организацию управления и способствует отделению политической стороны от других. Наконец, торговля дает богатства, которые требуются защищать. А это сильно сплачивает население.

Мореплавание резко увеличивает число контактов и их плотность. В среде морских народов часто возникают корпорации и формируются вооруженные отряды, которые могут явиться ядром политических процессов (при захвате, переселении, приглашении на службу и т. п.). Стоит отметить, что естественно ограниченная территория заметно

---

²⁰ Как справедливо отмечал Карнейро, идеи вроде: победить близлежащие деревни военным путем; включить их и их территорию в свою политику; превратить пленников в рабов; заставить своих подданных платить регулярно дань и т. п. – весьма просты и могут родиться в уме любого человека (Carneiro R. L. Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? P. 90).

облегчает подчинение острова, особенно небольшого, единой власти.

5. Политогенез, который можно назвать вынужденным, связан с экстраординарной ситуацией. Речь идет об оброне от агрессии, переселении и т. п.²¹. В этих случаях часто ломаются традиции и принимаются жесткие решения. Политогенез подталкивается нуждой и становится способом выживания всего общества.

На предгосударственном этапе идет подготовка к интеграции в более крупные образования и накопление социально-политических изменений, которые готовят почву для будущего: где-то усваивается принцип передачи власти по наследству или необходимая атрибутика, где-то усиливается имущественное неравенство или формируется сословность, где-то увеличивается роль войска или оно становится профессиональным; в отдельных районах заметен рост городов и их скопления и т. п. Чтобы политогенез вступил в раннегосударственную стадию, требовалось большое разнообразие догосударственных форм, а также чтобы их контакты достигли критического уровня плотности²².

3. Раннегосударственная стадия политогенеза

3. 1. Общие и политические процессы

Размеры и населенность обществ данной стадии возрастают на порядок-два. Я думаю, что амплитуда населения – от нескольких тысяч до нескольких сот тысяч человек²³.

---

²¹ Одним из вариантов такого развития является ситуация, проанализированная Карнейро: демографическое давление и, как следствие, нехватка земли и ресурсов и война за них (см., например, Carneiro R. A Theory of the Origin of the State).

²² Поскольку политики этого периода существенно отличаются от более ранних политий, но еще «не дотягивают» до государства, многие исследователи (такие как Скальник, Саутхолл и другие) считают важной проблему, как классифицировать переходные общества, которые лежат на пути между вожжеством и государством (см.: Marcus J. and Feinman G. M. Introduction. P. 6).

²³ Многие исследователи отмечают, что наличие достаточного населения является важнейшим условием образования государства. «Нужное количество администраторов, слуг, придворных, жрецов, солдат, земледельцев, торговцев и прочих может появиться только при численности населения [во многие] тысячи. Даже самые маленькие ранние государства на Таити насчитывали 5000 человек», – пишет, например, Г. Классен (Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? P. 107).

А в конце этой стадии некоторые ранние государства могли насчитывать даже миллионы человек.

Но и на этой стадии наиболее универсальной для социумов эволюционной задачей все еще оставалось – **сделать поддержание неравенства достаточно устойчивым и легко воспроизводимым**. Но поддержание неравенства должно было сочетаться с обеспечением внешней безопасности (или достижением военного превосходства над соседями). Внутренние и внешние отношения нередко подкрепляли друг друга. Обязанность защищать свой социум давала элите мощное обоснование для своего особого положения, а основное население из двух зол предпочитало меньшее, то есть своих эксплуататоров чужим. И то и другое неизбежно усиливало политическую сферу.

Для поддержания неравенства создается уже **система** отношений, институтов, идеологии и традиций, которая окончательно закрепляет неравенство в разных формах. Во многих случаях права и преимущества одновременно идут по разным или даже всем линиям (имущественной, статусной, правовой, сакральной, участия в управлении и др.).

В обеспечение этого:

а) перераспределение должно теперь устойчиво направлять излишек (а то и часть необходимого продукта) в пользу элиты и на нужды управления, храмов, на войны и прочее; соответственно идет формирование новых источников дохода властных структур и/ или знати;

б) структура общества приобретает достаточно стратифицированный вид. Оно уже ясно делится на элиту и простонародье, также возникают заметные группы, находящиеся ниже обычного статуса (рабы и прочие неполноправные);

в) помимо развития ремесла и торговли, общественное разделение труда ясно проявляется в том, что управление, многие сакральные дела, культура, война частично или полностью монополизируются.

В отношении политическом изменения связаны с тем, что отделение власти усиливается и окончательно

закрепляется, а отсечение каких-то групп и слоев от доступа к власти становится жестче. Начинается отделение управления от власти. Говоря точнее, происходит выделение из властных функций управленческой и некоторых других (внешнеполитической, военной, судебной) функций, хотя такая дифференциация идет очень долго и продолжается на третьей стадии политогенеза. Во многих случаях семья (род, линидж) правителя приобретает совершенно особый и не сравнимый ни с кем статус. Идет мощная интеграция, поэтому военно-политические союзы, конфедерации, различные объединения и договоры становятся нормой.

Таким образом, роль политической сферы существенно возрастает. И все же политическая власть еще полностью не оторвалась от других видов власти, а управление только в части политий стало сферой деятельности особого аппарата (слоя). Но и в этом случае политической власти еще требуются крепкие подпорки (в виде сакральности, или ранней сословности, или гипертрофированной родовитости и подобных традиций и основанных на них собственности и богатства). Однако этот вывод более подходит все же к первым двум этапам раннегосударственной стадии, поскольку на последнем ее этапе (переходном к третьей – государственной – стадии) общество сильно усложняется и его политическая составляющая существенно вырастает. Указанные подпорки частично могут оставаться и далее, но их роль уменьшается, а роль чисто управленческой и силовой стороны увеличивается.

3. 2. Отличия обществ раннегосударственной стадии от обществ догосударственной стадии

Хотя социумы и политии раннегосударственной стадии очень различны и по форме, и по тому, какое направление развития в каждом преобладает, все же у них, несомненно, есть общие черты и характеристики, которые их вместе отличают от образований догосударственной стадии.

Во-первых, изменяется производственная база. Сельское хозяйство становится интенсивным либо, оставаясь

экстенсивным, позволяет вырасти иным интенсивным отраслям (ремеслу, торговле, мореплаванию). Характерно, что если образования догосударственной стадии могли иногда базироваться на высокопроизводительном присваивающем хозяйстве (и то с элементами торговли и ремесла, как правило), то на раннегосударственной стадии это уже невозможно.

Во-вторых, переход на раннегосударственную стадию был связан с увеличением размеров территории и/или численности населения, часто одновременно и существенным увеличением плотности контактов внутри нового образования и между обществами, а в целом с возрастанием **уровня сложности**. При этом создаются уже достаточно крепкие обручи, способные удерживать значительные области и массы людей в определенной системе. Конечно, эти укрепления возникали за счет разных процессов: этногенеза, политогенеза, социогенеза, развития религии, а также хозяйственных и военных связей. Но везде можно увидеть ту или иную степень концентрации власти, хотя природа этой власти различна.

В-третьих, налицо усложнение как устройства общества, так и управления им. Другими словами, везде заметны изменения не только в социальных, распределительных и идеологических институтах, но и в политической сфере (хотя в разной степени)²⁴. Во многих случаях появляются и профессионалы, облеченные властью: военачальники, судьи, жрецы, законодатели и другие.

В-четвертых, в разной степени, но во всех обществах заметны **изменения традиций, связанных с регулированием социально-политической жизни**. Где-то такое изменение связано с гипертрофированием традиции (переходом ее оптимального уровня), как это было, например, с родовитостью²⁵. Где-то изменение было связано с разрывом с неко-

---

²⁴ Недаром М. Фрид, который выделял стадию стратифицированного общества, как особую, предшествующую государству, стадию, сам отмечал, что найти пример стратифицированного общества, лишённого политических институтов государственного уровня, почти невозможно (Fried M. H. The Evolution of Political Society. P. 185).

²⁵ См.: Гринин Л. Е. Генезис государства... С. 44, 49.

торами традициями. В любом случае это означало шаг по пути от традиционного регулирования к политическому.

Об этих важных моментах подробнее пойдет речь в третьей части. Теперь же только отмечу, что хотя случаи разрыва с традицией, связанные, например, с сознательным реформированием структуры и организации обществ, чаще происходили в ранних государствах, нечто подобное могло иметь место и во многих его аналогах. Долю сознательного реформирования, например, можно увидеть в устройстве ряда германских племен, с их сложными ступенчатыми собраниями и квотами на представительство. А разве изобретение кочевников Дальнего Востока строить войско по десяткам и сотням – это не свидетельство такого рода реформирования? В некоторых же случаях сознательное планирование устройства общества несомненно²⁶. Не так уж редко в таком реформировании можно увидеть и истоки будущего территориального (взамен родового) деления, которое является важнейшей характеристикой сформировавшегося государства.

В-пятых, институционализация неравенства означает, что появляются какие-то **новые общественные институты или значение старых начинает решительно возрастать**, как это могло быть, например, с ролью родovitости, сакрализацией правителя и особым статусом его родовой линии. К числу новых институтов относится как само раннее государство и его органы, так и (у его аналогов) сословность, а также новые отношения с населением (например, налоги). Все это позволяет **сделать поддержание неравенства для элиты менее трудным, более устойчивым и надежным**,

---

²⁶ Например, в Исландии, где уровень организации выборов, проведения собраний, распределение судебных округов и другое просто удивляет (см. Ольгерсон Э. Из прошлого исландского народа). Это связано с тем, что переселенцы не только перенесли континентальный опыт, но и существенно его усовершенствовали, отбросив многое отжившее.

Тем более заметно такое упорядочение в ранних государствах (см., например, о Польше IX–X вв. (государстве полян) Lozny L. The Transition to statehood in Central Europe. P. 88–90). Яркие примеры таких реформ и пертурбаций можно увидеть в начальных фазах стейтогенеза в Греции, Шумере и других местах.

чем раньше. Однако характер власти еще таков, что она в значительной мере, а то и в основном, является согласительной²⁷.

В-шестых, повсеместно заметно деление общества на два или более слоя, различающихся по правам и обязанностям, статусу и объему потребления благ, месту в управлении и принятии решений²⁸.

В-седьмых, заметен рост экономических источников власти и элиты за счет: а) ограничения контроля со стороны масс над распределением или над важными ресурсами; б) монополизации властью (элитой) каких-то источников богатства и/или возникновения прямых обязанностей населения по отношению к ним.

В-восьмых, появляется идеология или хотя бы важные ее элементы, которая объясняет, оправдывает и легитимизирует изменения в социально-политическом устройстве общества.

Очень важно заметить, что хотя в разных обществах на ведущее место выходили те или иные сферы и процессы, в любом из них можно обнаружить и определенное развитие других сфер. Таким образом, **«химический состав» образований этой стадии во многом похож, однако пропорции и комбинации составных частей очень различны**, что создает огромное разнообразие форм.

3. 3. Раннее государство и другие формы

Выделение общих черт политий одной эволюционной стадии – очень важный момент. Но не менее важно увидеть и отличия между разными типами этих политий.

---

²⁷ «...Анализ показал, что на стадии развития и вожества, и зародышего РГ (раннего государства. – Л. Г.) согласительный тип власти значительно преобладал над принудительным» (Кочакова Н. Б. Раннее государство и Африка. С. 9).

²⁸ Некоторые исследователи, например Э. Сервис, Г. Классен, П. Скальник, отмечали деление общества, по крайней мере, на два главных слоя или формирующихся класса, а именно управителей и управляющих, как один из важнейших и характернейших признаков раннего государства (см.: The Early State. P. 640; Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? P. 103). Бесспорно, это очень характерно для раннего государства, но деление на элиту и простонародье, на управителей и управляющих не является принадлежностью только государства. Такая структура имела место в разных политиях и аналогах.

Можно отметить, что **отличие раннего государства от других (стадиально ему равных) форм заключается в бóльшей опоре на аппарат, бóльшей формализации политических и управленческих решений, включая возможность делегирования власти; а также в бóльшей способности перестраивать традиционную структуру общества.** Но, конечно, в раннем государстве административные функции еще не достаточно развиты. Раннее государство отличается от аналогов и тем, что в нем возникает процесс, названный мной **редистрибуцией власти**, *в результате которого власть и права на самостоятельные решения перетекают от поселений и провинций в центр и затем через центр перераспределяются вновь.* Основательно проблема отличия раннего государства от аналогов будет исследована в третьей части.

Исследование второй стадии политогенеза показывает, что появление аналогов раннего государства вовсе не было исключением. Напротив, именно образование раннего государства долгое время было более редким явлением в политогенезе. Следовательно, **раннее государство – лишь одна из новых форм организации обществ и межобщественных отношений, сложившихся в результате различных постпервобытных процессов.** А то, что аналоги государства и ранние государства стадиально были равны, доказывается тем, что «различия между развитыми (сложными) вождествами и зачаточными РГ (ранними государствами. – Л. Г.) малозаметны»²⁹. Аналоги раннего государства могли сохранять свое своеобразие или – при определенных обстоятельствах – трансформироваться собственно в государство.

В подтверждение сказанного мне хотелось бы привести одну цитату: «Чего не учли в своих попытках объяснить появление государства ни Карнейро, ни Райт и Джонсон,

---

²⁹ Кочакова Н. Б. Раннее государство и Африка. С. 10.

так это факта, что в истории человечества пришли к государственности спонтанно всего лишь пять (или самое большее шесть) обществ. Если бы высочайшие уровни сложности общества, достигнутые в Месопотамии в IV тыс. до н. э. или в Перу в III тыс. до н. э., были эквивалентны спонтанно возникающим государствам, тогда число таких государств возросло бы в сотню раз»³⁰. Иными словами, появление обществ большой сложности и высокого социального развития было признаком, который свидетельствовал о переходе эволюции в новую стадию. Собственно же ранние государства среди этих сложных обществ являлись лишь одной из форм политий раннегосударственной стадии. Но чтобы такая форма появилась, требовались весьма непростые условия. Однако чем далее заходил процесс политогенеза, чем большие территории, массы людей и количество обществ он захватывал, тем заметнее такой вариант из исключения становился правилом.

Тут кстати сделать важное добавление: ранние государства благодаря новым способам управления потенциально способны объединить существенно больше населения, чем аналоги ранних государств. Поэтому были ранние государства с населением в миллионы человек, а население даже самых крупных аналогов не превышает нескольких сот тысяч³¹. После этого предела начинается или их распад, или трансформация в государство. Таким образом, **можно говорить о критической массе населения, за которой эволюционные преимущества раннего государства становятся очевиднее.**

---

³⁰ Schaedel R. The temporal variants of proto-state societies. P. 52.

³¹ Даже если согласиться с Н. Крадиным, который считает, что т. н. «кочевые империи» Внутренней Азии имели население до 1–1,5 млн чел. (Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе. С. 127), то все равно такие ранние государства, как Древний Египет времен объединения Нижнего и Верхнего царств или Древний Китай эпохи Чжоу, существенно превосходили эти цифры. И их население (как и население других ирригационных государств) долго продолжало расти. Например, даже когда держава Восточных Чжоу распалась в первом тысячелетии до н. э. на семь царств, население каждого из них было равным или превышало указанную Крадиным численность, поскольку население всех семи царств вместе составляло около 20 млн чел. (см.: История Китая с древнейших времен... С. 19).

Во всех теориях происхождения государства есть рациональное зерно, которое объясняет какую-то часть случаев. Настаивать только на какой-то из них как на единственно верной и тем более универсальной ошибочно. Зато если попытаться как-то объединить эти подходы, можно увидеть более общие причины не только образования государства, но и вообще перехода политогенеза в раннегосударственную стадию.

Воспользуемся для этого мыслью Дж. Хааса. Он анализирует четыре теоретические модели образования государства: интегративную (или управленческую, общей пользы, общего согласия); производственную; торговую; завоевательную. По его мнению, «во всех моделях, за исключением завоевательной, содержатся элементы интегративной теории происхождения государства», поскольку в результате централизации и появления аппарата общество получает преимущества в плане более эффективной координации производства, сбора и распределения продуктов³².

И это правильно. Но ведь интеграция – явление более широкое, чем только «обмен услугами» между высшими и низшими слоями. И разве завоевание не есть в определенной мере высшая форма объединения? Значит, сходство имеется уже не в трех, а во всех четырех теориях³³. К тому же потребность в интеграции объясняет развитие не только государств, но и их аналогов. Такой взгляд позволяет уйти от жесткого противопоставления внутренних (имущественное и социальное расслоение или потребность в обмене услугами) и внешних (войны) причин как ведущих для образования государства и вообще политогенеза. В каких-то случаях или на определенных этапах более важными могут быть как одни, так и другие. Следовательно, вопрос не в том: или-или, а в том, когда преобладают внешние, а когда – внутренние.

---

³² Haas J. The Roads to statehood. P. 17–18.

³³ То, что интеграция может быть прослежена во всех основных моделях стейтогенеза, считают и другие ученые (см., например, Крадин Н. Н. Политическая антропология. С. 32).

Хаас также подчеркивает, что все четыре теории имеют элементы конфликтной теории³⁴. Это верно. Но верно и то, что во всех четырех моделях есть также элементы и производственной и торговой моделей, если производство и обмен рассматривать несколько шире, чем обычно. Мало того, все эти элементы можно увидеть и в аналогах раннего государства, но в различной степени и в разной комбинации.

Таким образом, во **всех образованиях раннегосударственной стадии можно увидеть признаки, характерные для собственно раннего государства. Следовательно, водораздел между государственными и негосударственными образованиями данной стадии лежит не только в наличии или отсутствии того или иного признака, а в большей или меньшей развитости определенных признаков и их особой комбинации, а также в эволюционных возможностях политий разного типа.**

Раздел второй. СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТОГЕНЕЗА И ДРУГИХ ПРОЦЕССОВ

1. Предварительные замечания

Разумеется, исследование соотношения, обозначенного в заголовке раздела, не может быть полным. Я лишь намекаю некоторые наиболее общие моменты этого соотношения для каждой стадии политогенеза. Но даже такой анализ позволяет увидеть, что указанные для разных сфер изменения есть в любом обществе соответствующей стадии. Однако величина, значимость и пропорции этих изменений исключительно разнообразны, что создает огромное множество комбинаций. Анализ также привел меня к выводу, что, хотя в каждом обществе соотношение различных сфер могло быть очень различным, все же **в большинстве случаев политогенез длительное время, скорее, шел за другими процессами, чем инициировал их.** Это, правда, относится к ситуации, когда политогенез вызывается прежде всего внутренними причинами, так сказать, вызревает

---

³⁴ Haas J. The Roads to statehood. P. 18.

в результате усложнения общества. Политогенез, вынужденный внешними обстоятельствами, намного быстрее способствует выделению политической сферы.

По мере развития и усложнения общества и межобщественных отношений политогенез становился более самостоятельным процессом. Но даже в обществах раннегосударственной стадии он часто занимал все еще подчиненное место. Такая ситуация характерна не только для аналогов, но даже для ряда ранних государств. И только в следующей третьей – государственной – стадии политогенез бесспорно можно считать эволюционно ведущим процессом.

2. Политогенез и этногенез

Политогенез и этногенез очень взаимосвязанны. С одной стороны, языковая и культурная близость общин способствовала тому, что эти коллективы объединялись в племена, группы племен, конфедерации, вожества, религиозные союзы и т. п. С другой – политическое единство в огромной степени формировало этносы.

Без сомнения, роль войн и конфликтов всегда была важной не только для политогенеза, но и для этногенеза. Например, именно этническая близость облегчала объединение сегментарных обществ для военных действий против соседей. Войны также способствовали сгону с каких-либо территорий прежних насельников, установлению отношений господства-подчинения, на основе которых порой складывались новые этнические группы.

Но поскольку численность социумов длительное время оставалась небольшой, а уровень производства еще не позволял жить за счет военной добычи, мне думается, что на первой – догосударственной – стадии политогенеза (особенно на первом-втором ее этапах) интеграция чаще шла все же мирным путем. Во-первых, потому, что общины располагались в сравнительной близости; во-вторых, потому, что различные процессы и общие нужды требовали той или иной формы объединения. И этой «мирности» интегра-

ции существенно способствовала близкая этничность соседних социумов. Разная этничность племен и общин, живущих попеременно, чаще провоцировала военные конфликты и способствовала военной интеграции. Так, в частности, складывались вожества у бини (в Бенине)³⁵.

Таким образом, в догосударственную эпоху, хотя это отнюдь не было правилом, близкая этничность способствовала более мирному протеканию политических процессов. Можно сделать предположение, что *чем сильнее была концентрация этничности, тем слабее могли быть силовые начала, тем заметнее на первой стадии политогенеза были идеологические и культурные, а не военно-силовые составляющие интеграции*. Однако уже в предгосударственный период этой стадии роль войн в политогенезе даже при близкой этничности возросла. Но следует подчеркнуть, что военное объединение этнически близких социумов вдвойне способствовало прочности новых политий: как за счет централизации, так и за счет культурно-религиозной близости.

В результате социополитических процессов в раннегосударственной стадии начинает образовываться то, что можно назвать примитивными народностями. Это хорошо видно на примере Европы поздней античности, когда в III–IV вв. н. э. германские «племенные военные союзы превратились в более обширные и прочные племенные союзы, которые стали длительно занимать определенные территории и основывать на них более или менее устойчивые политические образования»³⁶. Нередко они выступали под старыми названиями и «в качестве отдельных племен, но в действительности они образовались из смешения при слиянии мелких племен в одно племенное целое, хотя могли делиться на разные ветви и подразделения»³⁷.

---

³⁵ См.: Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин. С. 20.

³⁶ Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия... С. 602.

³⁷ Там же. Вероятно, германцы в третьем-четвертом веках н. э. переходят в раннегосударственную стадию, первый этап которой и завершается образованием варварских королевств.

Итак, с одной стороны, рост этничности способствовал интеграции и появлению крупных образований. «Известно, что численность сложных обществ измеряется, как правило, десятками тысяч человек и они, как правило, *этнически однородны*»³⁸. С другой стороны, там, где начинали пролегать политические границы, а власть становилась достаточно прочной, политогенез резко усиливал этничность. При этом «общностью более высокого порядка могла выступать то этническая, то политическая»³⁹.

Уже в рамках ранних, но особенно созревших государств политическая власть стала выполнять роль обручей, которые как бы скрепляли этнос, пока он не становился достаточно прочным⁴⁰. «...Потестарные или политические структуры выступают в качестве того ядра, вокруг которого консолидируется общность-эсо (этносоциальный организм. – Л. Г.). Они играют роль арматуры, скрепляющей этот эсо», и характер «этнического процесса... оказывается диалектически связан с характером ...политической организации общества», – справедливо отмечал Куббель⁴¹.

По мере роста объемов обществ, плотности их контактов, войн и передвижений народов в политогенезе возрастает роль смешения этнических элементов. В частности, распространенным случаем было возникновение между обществами с разной этничностью даннических и иных зависимых отношений. Бывало также, что какой-нибудь этнос (или даже вооруженная группа чужеземцев) захватывал иноэтнические территории. В этих случаях иногда завоеватели становились правящей верхушкой или привилегированной частью социума. Различная этничность социальных групп способствовала обособлению слоев общества, разрушению родовых обычаев и переходу к соседским поселениям, становлению государственной эксплуатации и госу-

---

³⁸ Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе. С. 127 (выделено мной. – Л. Г.).

³⁹ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. С. 182.

⁴⁰ Разумеется, но здесь я на этом не останавливаюсь, в формировании этноса играли огромную роль другие процессы (религиозные, культурные и прочие).

⁴¹ Куббель Л. Е. Ук. соч. С. 170, 172.

дарственного аппарата⁴². Порой на роль управленцев или воинов специально приглашались иностранцы. При объединении разных народов под эгидой сильного вождя иногда происходило как бы сплавление различных составных частей и возникал новый этнос (нередко так было у кочевников).

Но не только политические процессы способны сформировать ранний этнос. В ряде случаев это могло происходить и за счет таких «обручей», как первичные сословия, если эта система достаточно прочная и четкая. Примером являются саксы до завоевания их Карлом Великим, которых вполне можно считать примитивным этносом – народностью. Они «делились на три социальных слоя (за исключением рабов): родовую знать (эделингов-нобилей), рядовых равноправных свободных (фрилингов-liberi) и полусвободных литов»⁴³.

Хочу заметить, что даже очень близкая этничность (равно как и близкие природные и социальные условия, религия и т. п.) не ведет к тому, в каком-то регионе устанавливаются только однотипные политические формы правления и режимы. Например, в Полинезии в пределах даже одного только архипелага «на разных островах архипелага (в данном случае о-ва Тувалу. – Л. Г.) были разные формы правления: на одном острове один «король», обладавший абсолютной властью, на другом – «король» и совет вождей, то есть совет глав каинг (патрилинейная родственная группа. – Л. Г.), на третьем – два «короля» с равной властью, на четвертом – «король» и вождь, который формально был подчинен «королю», но на деле, благодаря силе характера, являлся реальным правителем»⁴⁴.

---

⁴² «...Непосредственная связь этнической стратификации с социально-потестарной и социально-политической вообще может считаться типичной чертой доколониальных африканских обществ», но «Африка не выделяется сколько-нибудь заметно среди других континентов» (Куббель Л. Е. Ук. соч. С. 180).

⁴³ Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия... С. 608.

⁴⁴ Бутинов Н. А. Полинезийцы островов Тувалу. С. 54.

3. Политогенез, производство и демографические процессы

В целом многие исследователи единодушны в том, что появление прибавочного продукта, повышение плодородия и производительности труда являлись важнейшими факторами политогенеза. Огромное значение имеют и демографические показатели, сочетание которых Генри Классен называет «социальным форматом» (societal format). Это понятие включает в себя численность населения, допустимое демографическое давление на занимаемую им территорию и пространственное распределение населения⁴⁵. Очевидно, что чем больше население и выше его плотность, тем интенсивнее идут процессы, хотя, конечно, «при желании можно найти общества с довольно высокой плотностью населения и довольно низкими уровнем социальной стратификации и политической централизации (ифугао Филиппин, чимбу Новой Гвинеи, некоторые сообщества Микронезии)»⁴⁶.

Однако есть моменты, которые могут частично компенсировать недостаток населения или низкую его плотность. Среди них, условно говоря, «механизированность» и мобильность, которые позволяют значительно легче преодолевать расстояния. Эти качества существенно выше у кочевников, у мореходов и там, где реки являлись важнейшей транспортной артерией. Поэтому для учета политических процессов фактически число жителей у скотоводов, мореходов и речников надо увеличивать на коэффициент их мобильности и «механизированности». В этом же ключе очень важна интенсивность контактов. Она существенно выше в городских обществах, где плотность населения и род занятий сильно способствуют этому. И неудивительно, что в таких обществах по сравнению с аграрными политогенез имеет заметные особенности.

---

⁴⁵ Claessen H. J. M. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. P. 3.

⁴⁶ Коротчаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классобразования и политогенеза. С. 150.

На социальную структуру и политическую форму может влиять также межобщинная и иная специализация. В некоторых случаях она способствовала формированию кастовой системы, что было весьма характерно, например, для многих африканских обществ⁴⁷.

Направленность хозяйства существенно влияет на политогенез, который очень различен у земледельцев и скотоводов. Но как среди тех, так и среди других политические процессы в зависимости от особенностей хозяйства могут протекать по-разному. В этом плане коренным образом различаются, например, общества с зерновым и незерновым земледелием. В последнем случае развитие государственности затруднено, а переход к зрелому государству и вообще вряд ли возможен. Большие различия наблюдаются и у скотоводов⁴⁸.

Появление или распространение каких-то важных технологических новшеств может вести к серьезным изменениям в политогенезе, становиться его катализатором. В результате в тех местах, где он до этого сильно задерживался или был вовсе не возможен, начинаются интенсивные политические процессы. Таким могло быть, скажем, распространение железа, прогресс в использовании верховых или тягловых животных. Появление конницы, оружия из железа

---

⁴⁷ См. об этом: Община в Африке. С. 254–260. Касты – это отнюдь не чисто индийский институт. Как справедливо указывает Деклан Квигли, распространенное представление, будто касты характерны только для Индии или индуизма, крайне затрудняет сравнение каст с другими социальными формами. Он также отмечает, что все институты, которые ассоциируются с кастами, присутствуют в различной степени в других обществах в различные периоды истории (Quigley D. Is a Theory of Caste still Possible? P. 146, 153).

⁴⁸ Например, Л. Гумилев писал о кочевниках, живущих западнее и восточнее восточной Джунгарии: «Для всех народов восточной половины степи было характерно наличие сильной политической власти... На западе мы наблюдаем цепь конфедераций – племенных союзов» (Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. С. 261). Он объясняет это разными способами пастбы скота. На востоке скот пастся в степях, и пастухи, постоянно встречаясь друг с другом, выработали привычку общения. На западе в предгорьях Тянь-Шаня и Тарбагатая скот летом выгоняли на горные пастбища. Но подъем шел по узким долинам, каждая из которых принадлежала отдельному роду, равно как и альпийские луга, где он пастся. Изолированные методы ведения хозяйства отразились на характере политических образований (Там же).

и т. п. способствовало также «интенсификации» военных действий, усиливало роль войн в политогенезе⁴⁹.

На первой догосударственной стадии можно говорить о том, что хозяйство сильно усложняется, так как накапливаются новые виды деятельности, идет специализация, расширяется обмен. Все это ведет к усложнению социальной и политической жизни. Но намечаются и тенденции, когда политическая сфера в свою очередь начинает влиять на направленность хозяйства. В этом плане можно согласиться с М. Салинзом в том, что рост власти и положения вождя часто становился одновременно и фактором развития производительных сил⁵⁰. Но престижная экономика, выделение знати и управленцев, имущественное расслоение, появление сакральных и укрепленных пунктов и т. п. в целом, за отдельными исключениями, еще не слишком сильно трансформируют хозяйство⁵¹.

На предгосударственном этапе уже появляется, но не везде, и достаточно тонкий, слой людей (помимо представителей религии и культа), которые не занимаются материальным производством. Создаются элементы элитарной экономики (то есть экономики, связанной с обслуживанием элиты). Там, где господствуют торговля и ремесло, элитарная экономика порой начинает ориентироваться на торговлю наиболее выгодными товарами.

Как уже сказано, первая стадия политогенеза связана с примитивным сельским хозяйством, в котором могут быть элементы интенсивного, а вторая стадия – с интенсивным. Следовательно, догосударственная и раннегосударственная

---

⁴⁹ Например, с появлением лошади в североамериканских прериях кража лошадей стала главной причиной войн среди степных племен, таких как омаха. Мобильность передвижения на лошадях способствовала тому, что юты, апачи, навахо, шошоны и другие стали совершать набеги на народы, с которыми они никогда не сталкивались в эпоху до появления лошадей (Dennen J. M. G. van der. *The Origin of War*. P. 429).

⁵⁰ Sahlins M. *Stone Age Economics*. P. 140.

⁵¹ Однако такие случаи могут быть. Например, Ёрл приводит пример, когда в Дании в бронзовом веке (от 1700 до 700 г. до н.э.) местные вожди расширяли скотоводство, чтобы иметь животных для торговли, но интенсификация привела к деградации региона, превращению пастбищ в пустоши, а полей в засыпанные песком места (Johnson A. W. & Earle T. *The Evolution of Human Societies*. P. 27).

стадии соответственно связаны с первым и вторым этапами аграрной революции⁵². В зонах древнейшего появления государств переход к государственности совершенно однозначно связан с созданием высокопродуктивного земледельческого хозяйства. И в дальнейшем очень многие государства создавались именно на базе интенсивного (поливного или плужного неполивного) земледелия. Этот путь можно считать магистральным не только для стейтогенеза, но и для образования ряда аналогов государства.

Но были и иные варианты. На раннегосударственную стадию общество могло перейти и с примитивным сельским хозяйством. Однако все равно должны были быть интенсивные отрасли: торговля, ремесло, мореплавание, либо военная деятельность. Последняя может выступать как квазипроизводство, быть своего рода интенсивным и динамичным сектором экономики, если позволяет аккумулировать достаточный объем прибавочного продукта чужих обществ. И все же в таких обществах регулярное создание нужного количества прибавочного продукта и тем более возможность роста богатства и престижных благ какое-то достаточно длительное время – всегда под вопросом. И в случае изменения ситуации или исчерпания ресурсов роста развитие политики, перешедшей на раннегосударственную стадию, затормаживается. Зато там, где практически вся экономика становится интенсивной, политические и социальные процессы идут более широко и эволюционные возможности больше.

Мощный рост прибавочного продукта, усложнение обмена и перераспределения влияют на все социальные процессы. В свою очередь, воздействие социально-политической сферы на хозяйство приводит к серьезным трансформациям в нем. Нередко происходит разделение экономики на два сектора: **экономику обычную и экономику элитарную**. Последняя может выступать в виде

---

⁵² О ее ходе и этапах см. подробнее: Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. С. 96–108.

крупных аристократических, храмовых или государственных хозяйств, в виде руководства коллективными обязательными работами, в виде монополизации наиболее доходной деятельности, особенно торговли.

Но во многих случаях эксплуатация шла не через производство, а через распределение, в частности подарки, налоги, дань, кормления и гостевания, престижное потребление или за счет внешней эксплуатации. Поэтому в качестве более универсального вывода точнее будет говорить о выделении в экономике двух полюсов: **производящего и потребляющего.**

4. Политогенез и распределение благ

Проблеме связи распределения с политогенезом уделяли большое внимание многие исследователи (К. Поланьи, М. Салинз, М. Фрид, Т. Ёрл, Г. Классен и другие). Нередко изменения в распределении благ выдвигают как важнейшую характеристику стадий политогенеза. И это совершенно оправданно, поскольку от объема прибавочного продукта и форм его распределения напрямую зависят скорость и направленность политических процессов.

Первая стадия политогенеза связана с преодолением наследия присваивающей первобытности, когда накапливать было трудно, накопление было редкостью и общество его не поддерживало. В результате перехода к сельскому хозяйству и появления регулярных излишков люди, в конечном счете, перешли от уравнительного к трудовому распределению, а накопление благ (до определенного объема, разумеется) стало нормой.

Наиболее универсальные изменения в распределении на догосударственной стадии политогенеза связаны с усложнением системы распределения по сравнению с присваивающей экономикой, появлением имущественного неравенства, процессами концентрации богатства и престижных благ. Разумеется, были и другие изменения, в том числе появление первичных денег и регулярной торговли во многих местах, зарождение частной собственно-

сти. Там же, где еще не перешли к индивидуальному накоплению, львиная часть излишка порой превращалась в колоссальные ритуальные центры, создававшиеся иногда в течение сотен лет⁵³.

Стоит сказать немного о реципрокции (реципрокации) и редистрибуции. Оба этих понятия характеризуют процессы движения и перераспределения благ. Однако реципрокция характерна для эгалитарных обществ, в которых перераспределение носит в целом эквивалентный характер. В более сложных обществах, с появившимся неравенством, возникает редистрибуция – процесс, связанный с перемещением значительной доли благ в центр для обеспечения различных нужд и с дальнейшим распределением этих благ через центр. Это можно видеть нередко уже на уровне общины (деревни) или родовой группы. Но более важным такой процесс становится в иерархически организованных обществах с властным центром. В частности, редистрибуция правомерно считается обязательной для вождества.

В понятии редистрибуции, однако, есть тот недостаток, что она связывается с наличием определенного центра. Но в сложном обществе такой центр имеется далеко не всегда, поскольку не все они централизованы. Зато перераспределение в пользу элиты встречается гораздо чаще. Поэтому редистрибуцию в указанном выше смысле слова для раннегосударственной стадии, думается, нужно считать лишь вариантом сложной перераспределительной системы, но вариантом, который имел большое будущее.

На основе увеличения перераспределяемого излишка появляется, образно говоря, слой почвы, на котором расцветает неравенство как имущественное, так и иное. По мере накопления богатства усиливается и борьба за него,

---

⁵³ Я не думаю, что есть какая-то универсальная закономерность, что создание таких центров предшествует переходу к частному обогащению. Но в ряде случаев такая последовательность имела место. Например, в неолитической Европе как в обществах, так и у лидеров преобладала направленность на церемониальную деятельность, а в Европе бронзового века стал доминировать интерес к личному богатству и персональному статусу (см. Wason P. K. and Balda M. O. Religion, Communication, and Genesis of Social Complexity in European Neolithic. P. 142).

как внутренняя, так и внешняя, как мирная, так и вооруженная. Но неравенство еще не столь велико, а во многих обществах и вовсе слабое. Поэтому только в отдельных случаях борьба за долю в распределении принимает какие-то острые или ярко выраженные формы. Ведь даже там, где неравенство и эксплуатация стали уже неотъемлемой частью жизни, интересы элиты и власти, с одной стороны, и основной массы населения – с другой, в целом еще не антагонистичны, не полярны.

Гораздо более антагонистическими могут быть отношения внешние, связанные с экзоплуатацией и подчинением соседей. Многие исследователи подчеркивают, что очень часто эксплуатация начинается не внутри, а вне общества, поскольку чужака не защищают ни традиция, ни обычай. Внешняя эксплуатация усиливает неравенство и, без сомнения, способствует развитию политогенеза. В течение предгосударственного этапа первой стадии все указанные выше процессы усиливаются и усложняются.

Таким образом, в догосударственной стадии рост возможностей аккумулировать блага и влиять на перераспределение их потоков становился очень важным источником приобретения и институционализации власти и формирования элиты. В отдельных обществах этой стадии вожди или элита устанавливали экономическую власть, основанную на возможности ограничить доступ к ключевым производственным ресурсам или особо дорогим и ценным товарам⁵⁴. Но вообще эффективное ограничение доступа к производственным ресурсам еще не было широко распространено и экономическое неравенство (обычно не слишком сильное) чаще возникало на основе социальных преимуществ и различного статуса, монополизации какой-либо деятельности, личных качеств, идеологии и возможности влиять на распределение общественного продукта⁵⁵.

---

⁵⁴ См.: Earle T. How Chiefs Come to Power. P. 7 and Ch. 3.

⁵⁵ Характерно, что Ёрл приводит примеры экономической власти вождей чаще именно сложных вожеств (см. Ibid. Ch.3), поскольку в простых вожествах такие случаи более редки.

В раннегосударственной стадии в связи с большим ростом территории и населения обществ происходят качественные изменения. Нужно заметить, что концентрация населения и богатства тесно связаны между собой. Причем не только в плане того, сколько людей способна прокормить территория, но и в смысле стягивания населения в определенные места⁵⁶.

В целом на этой стадии происходит как бы поляризация распределительной системы (за счет редистрибуции, престижного потребления элиты, эксплуатации соседей, разделения на производителей и торговцев или другими способами). Просматривается, согласно М. А. ван Бакелу, разделение населения на две части: народ – производитель средств пропитания, и элиту – потребителей «излишков» производства⁵⁷.

И возникший **мощный полюс элитарного потребления** начинает все заметнее **переориентировать экономику, внешнюю политику, идеологию**. Такое перераспределение в пользу элиты может обходиться и без особой политической власти, например, при жестком доминировании аристократии⁵⁸.

В зависимости от системы хозяйствования, объемов прибавочного продукта, системы власти и характеристики элиты формы соотношения власти и распределения были

---

⁵⁶ Дьяконов пишет по этому поводу: «По-видимому, именно в это время шумеры начали получать со своих полей сказочные по тем временам урожаи. Благополучие общин быстро росло, одновременно росла концентрация населения к культовому центру всей округи, тяготевшей к каналу. Таким образом, резко меняется структура расселения – людям было, очевидно, безопаснее вместе: появилось богатство, которое можно было похитить и которое стоило защищать. Переселение жителей из мелких... деревень под стены центрального храма всей округи стало характерным процессом для всего Протописьменного периода (рубеж IV и III тыс. до н. э. – Л. Г.)» (История Древнего Востока. С. 110).

⁵⁷ См.: Кочакова Н. Б. Ук. соч. С. 42.

⁵⁸ Могли быть и какие-то промежуточные варианты между «монархией» и правлением аристократии, нечто вроде олигархии. Неудивительно, что в современной политической антропологии весьма распространенным для характеристики сложных (комплексных) обществ стало понятие гетерархии. Если в иерархических обществах власть сосредоточена в едином центре, то в гетерархических «власть и лидерство распределены между несколькими группами или лицами» (Claessen Н. J. M. Was the State Inevitable? P. 101).

очень разными: иногда политическая власть становилась орудием для поддержания престижного потребления или, наоборот, для укрепления власти усиливалась экономическая база. В ранних государствах, как бюрократических, так и тех, где главная задача власти была связана с войнами, распределение все сильнее перестраивается на обслуживание государственных нужд и интересов. В некоторых аналогах государства создавалась система монополии одновременно на власть и на землю, как это было во многих случаях в Полинезии. Так было, впрочем, и в феодальной Европе. В других аналогах не политические лидеры, а храмы и религиозные корпорации успешно контролировали хозяйство или перераспределение его плодов, а также организовывали массы на различные строительства. В бедных аналогах усилия элиты были устремлены на внешние источники обогащения.

Таким образом, в зависимости от изобилия хозяйства идет борьба за внутренний прибавочный продукт или внешний, за право собирать натуральный продукт или за контроль над торговлей. Например, «вся средневековая Гана со всей пышностью двора ее правителей и их богатствами была как бы громадной внешнеторговой надстройкой над обществом»⁵⁹. И таких «внешнеторговых», как и «военно-грабительских» надстроек было немало.

В качестве условия образования раннего государства ряд ученых выдвигает как важное условие образования раннего государства «господство и контроль над экономикой» со стороны власти⁶⁰. Действительно, в ранних

---

⁵⁹ Куббель Л. Е. «Страна золота». С. 72. «Монополизация государством торговых источников, экзотического импорта и торговые пошлины были важнейшим альтернативным (налогам и дани. – Л. Г.) источником накопления» (Chase-Dunn C. and Hall T. D. Rise and Demise. P. 236). Распространенность монополии на внешнюю торговлю в государствах Африки (особенно с приходом туда европейцев) даже дала основание французской ученой К. Кокри-Видович говорить об особом **африканском** способе производства (см. Крадин Н. Н. Политическая антропология. С. 98–99).

⁶⁰ Claessen H. J. M. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. P. 2. Это понятие, по трактовке его авторов, шире понятия «производство прибавочного продукта» и включает его в себя, а также и такие моменты, как ирригация и торговля (Ibid.).

государствах политическая власть в той или иной мере осуществляла контроль над экономикой. Но степень его полноты очень различалась. В самых первых ирригационных государствах он был достаточно велик. Более поздние по срокам возникновения ранние государства часто оставались надстройкой, удовлетворяющейся какими-то повинностями, контролем над некоторыми важными источниками богатства и престижных благ, такими как военная добыча, дань, внешняя торговля, монополия на ценное сырье или товары. Они не вмешивались сильно в обычную хозяйственную жизнь. Но едва государство крепнет, как оно неизбежно начинает все глубже проникать в производство, например, распределяя земельный фонд, влезая с налогами в каждое хозяйство, изменяя обычное право и т. п.⁶¹

Однако контроль над экономикой не является признаком только раннегосударственной формы политогенеза, но присущ и ряду аналогов раннего государства. Скажем, в Полинезии за счет контроля над распределением земли и возможности принуждать к труду, сословие вождей неплохо контролировало экономику. В других же аналогах иногда контроль был очень слаб, а то и вовсе отсутствовал, либо, как в некоторых торговых обществах, оставался функцией самоуправления.

Поэтому **в целом для обществ раннегосударственной стадии точнее говорить о том, что власть и элита устанавливают контроль за распределением, степень которого возрастает.** Но это все равно требует определенной системы власти. И по мере потребности в усилении перераспределения в свою пользу элита все заметнее стремится к *контролю за политической функцией.*

---

⁶¹ О соотношении производства и государства на протяжении всего исторического процесса см.: Гринин Л. Е. Соотношение развития государства и производительных сил.

5. Политогенез и религия

5. 1. Особые функции религии. Религия и политика

Роль религии в политогенезе выглядит очень значимой⁶². И это замечено давно. В частности еще Джеймс Фрезер делал вывод о том, что «во многих частях света верховный правитель происходит по прямой линии от древнего мага или знахаря»⁶³. Но огромная роль религии в политогенезе не объясняется только особым положением древнего служителя культа и его способностью внушать уважение и страх. Такая роль, думается, во многом проистекает от того, что религия выполняла не только идеологическую и объяснительную функции, а и целый ряд других, очень важных. Попробуем их выделить.

Охранная и производственная функции. Религиозные, ритуальные и магические действия выступали как средство уберечься от различных несчастий, в том числе и от таких, как неурожай, падеж животных и прочие. Такие действия, следовательно, выступали в каком-то смысле как часть производственной технологии. Это можно было бы сравнить также с сегодняшним обязательным страхованием. Несмотря на неразвитость ума, первобытные люди тем не менее часто мыслили вполне рационально. Если благополучие зависит от сверхъестественных сил, значит, почитание духов и соответственно людей, которые могут влиять на них, представляет собой очень важное дело⁶⁴. Огромные ритуальные сооружения, вполне возможно, также были попыткой обеспечить в обществе удачное воспроизводство.

С охранной и производственной неразрывно связана и та, которую условно можно назвать **функцией делегирования права на общение с высшими силами**, поскольку

---

⁶² Хотя ряд ученых вполне правомерно разделяет магию и религию, в данном разделе для удобства я рассматриваю их как единое явление.

⁶³ Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. С. 107.

⁶⁴ Сверхъестественные силы, в частности духи предков, могли рассматриваться людьми как истинные хозяева земли. Так было, к примеру, у бенинских общинников, которые воспринимали ритуальные действия не как пустую трату времени, но как неотъемлемую и важнейшую часть производственного процесса (см.: Бондаренко Д. М. Община и организация земледельческого производства... С. 99).

господствовало убеждение, что далеко не каждый может правильно и удачно общаться с иным миром. А когда общение с высшими силами сосредоточивается в руках определенных людей, тем более правителя, невозможно жалеть средств для поддержания необходимого ритуала. Тем самым религия начинала выполнять **управленческую функцию**, поскольку служители культа и руководители, совмещавшие светскую и духовную власть, выступали в роли «аппарата» по исполнению велений высших сил. А аппарат всегда можно использовать для других целей. И он часто начинал обслуживать свои собственные интересы. Функция делегирования права на общение с высшими силами нередко перерастала в то, что М. Годелье называл монополией на средства производства вселенной и жизни. А монополия на эти мнимые средства производства, согласно А. Саутхоллу, вполне могла превратиться в монополию на материальные средства производства⁶⁵.

Внешнеполитическая функция. Религия издавна выступала как форма межобщественных отношений, как способ объединения социумов для совместных важных действий. Магия же в общественном сознании могла считаться способом нанесения ущерба соседям и соответственно вызывала ответную реакцию.

Регулирующая и карательная функции. Религия выступала так же, как карательное и регулирующее средство, способ запретить и запугать, а кое-где даже и прямо как орудие наказания путем психологического давления. Известны случаи, например, когда люди умирали, только узнав, что нарушили табу или что они должны погибнуть от вредоносной магии. Предполагаемый гнев духов нередко вполне заменял угрозу применения властью силы. Он даже имел определенные преимущества, раз люди верили в неотвратимость наказания.

Очень важной функцией религии является **объединительная, интеграционная**. Через религиозные действия

---

⁶⁵ См.: Кочакова Н. Б. Ук. соч. С. 41–42.

легче объединить людей. Именно таким образом создавались грандиозные культовые памятники, храмы и прочее. Это позволяло интегрировать, а то и прямо объединять значительные территории и объемы населения достаточно мирно.

Легко заметить, что вышеуказанные **функции религии во многом совпадали с теми функциями, которые выполняла политика**. Но раз это так, тогда неудивительно, что религия нередко могла длительное время в определенной мере подменять политическую деятельность в плане, например, интеграции обществ или аккумуляции его ресурсов. В некоторых случаях именно жречество было той элитой, которая дала толчок стейтогенезу. Могло, конечно, быть и наоборот, когда религия выполняла роль служанки политики. Религиозная сторона могла и не требоваться для политогенеза. Так было, например, в политогенезе, который шел в основном военно-политическим путем.

Тесную связь религии и политики можно увидеть и в том, что у очень многих народов имелось представление, будто вожди и власть каким-то особым образом связаны с высшими силами, духами или богами. Даже там, где вообще не было жречества, более или менее сильная вера в особую связь вождя (царя) и высших сил, а также в то, что свою благодать и удачу вождь может переносить на других и на весь народ, могла быть⁶⁶.

По причине схождения функций религии и политика часто выступают вместе, поддерживая друг друга. Распространенным случаем был их симбиоз, например, в виде сосредоточения высшей сакральной и политической власти в руках вождя или царя. Этот путь, думается, длительное время был эволюционно ведущим. Если же политическая и сакральная власти не совпадали, образование государства иногда затруднялось по причине недостаточной власти правителя или, напротив, слишком большого влияния жрецов.

---

⁶⁶ Так было, например, в древней Норвегии (см.: История Норвегии. С. 128–132).

Однако пропорция политического и сакрального, равно как и взаимоотношения правителя и жречества могли быть очень различны, что создавало многочисленные варианты политогенеза и большое своеобразие конкретных политий⁶⁷.

5. 2. Религия и стадии политогенеза

На первой – догосударственной – стадии требовалось перейти от охотничье-собирательских культов к сельскохозяйственным. Поэтому развитие религии шло по пути трансформации прежних верований или даже разрыва с ними. В результате началось формирование религий, способных объединить гораздо больше обществ и людей, чем прежде, сплавить этнические группы в протоэтноты. Таким образом, росла объединительная сила религии и дополнительно выделялся ее управленческо-распорядительный аспект. Нередко также «статусная иерархия и лидерство развивались как побочный продукт чего-либо, созданного по религиозным причинам»⁶⁸. Монополизация религиозных действий в определенных руках сильно влияла на формирование неравенства и потоки распределения благ.

Кое-где создаются религиозные корпорации. А корпорации – это уже определенный аппарат, способный подчинить себе значительные массы. Тем более, если такой аппарат формировался из представителей различных групп (а не из строго определенных родов). Тем самым закладывался административный принцип управления, важный для будущего государства.

На второй – раннегосударственной – стадии религия становится более развитой. Формируется ее идеологиче-

---

⁶⁷ При чрезмерной сакрализации правителя (как в ряде африканских государств, где он не мог свободно общаться с подданными) управление затрудняется, что может стать препятствием для стейтогенеза. Иногда подобная ситуация вела к тому, что сакральная и политическая стороны разделялись своеобразным путем: за монархом оставался почет, а управление сосредоточивалось в других руках (единоличных, как у сегуна в Японии, или коллегиальных, как кое-где в Африке).

⁶⁸ Wason P. K. and Balda M. O. Religion, Communication, and Genesis of Social Complexity in European Neolithic. P. 142.

ский слой, в значительной степени направленный на объяснение и оправдание сложившегося неравенства и сформировавшейся власти. В ряде обществ религия становится локомотивом политических процессов, поскольку духовная власть была древнее и общепризнаннее политической.

Таким образом, во многих обществах в указанном выше симбиозе религии и политики религиозная сторона длительное время шла впереди и, образно говоря, тащила за собой политическую, пока последняя не обрела достаточной зрелости. Такой симбиоз был желателен и для того, чтобы обеспечить легитимность политической власти. Но в достаточно крупном обществе неизбежны политические и административные заботы, роль которых все возрастает. К тому же жречество не способно по определению обеспечить защиту от внешней угрозы. Поэтому оно так или иначе уступает роль лидеров политикам, администраторам и воинам.

Генри Классен считает, что чем больше развивается раннее государство, тем слабее в нем роль идеологических компонентов, и все бóльшую роль играют аспекты управления и редистрибуции⁶⁹. Таким образом, раньше или позже религия в основном отделяется от государства, даже там, где политический лидер одновременно и духовный лидер. Следовательно, религиозная сторона не является обязательной для зрелых государств. В этот период симбиоз между религией и политикой не нужен, а требуется только сотрудничество.

5. 3. Цивилигенез и политогенез

Хотя процесс образования самых первых государств на Ближнем Востоке во многом неясен, но можно предположить, что в симбиозе сакральной и политической стороны в начальном этапе стейтогенеза первая все-таки преобладала. А поскольку в этих обществах развитие религии привело к складыванию первых цивилизаций, то правомерно думать,

---

⁶⁹ См.: Кочакова Н. Б. Ук. соч. С. 33.

что и процесс формирования цивилизаций (его можно назвать **цивилизигенез**) шел какое-то время несколько впереди политогенеза.

В истоках цивилигенеза лежал процесс оформления новых верований, создания особой идеологии и культа. Огромную роль играло появление нового типа религиозных корпораций, организованных не хуже тайных обществ, но имеющих возможность открыто, а не тайно влиять на население и элиту. Все это позволяло древним идеологам воздействовать на всю жизнь социума и интегрировать общества. Когда же у египетских и месопотамских жрецов появилось новое мощное средство – письменность, открылись невиданные прежде идеологические возможности. При этом и письменность, и административный аппарат, появившись для решения каких-то практических задач, стали могучим орудием влияния и развития.

С появлением письменности можно уверенно говорить о возникновении первичных цивилизаций. И с этого времени начал устанавливаться тот баланс между религией (культурой) и государственностью, который теперь представляется естественным и который был эволюционно наиболее удачным, по крайней мере, две с половиной тысячи лет. Религиозная и государственная культуры оказались очень тесно связанными, объективно поддерживающими друг друга. Без письма развитие ранних государств Ближнего Востока замедлилось бы очень существенно, а возможности государственного перераспределения оказались бы сильно ограниченными. С другой стороны, без создания государственного института писцов, библиотек и прочего цивилизации Ближнего Востока оказались бы куда менее яркими.

Культурно-религиозные элементы и артефакты, свойственные цивилигенезу, такие как ритуальные центры, крупные гробницы, скульптуры, ювелирные изделия, сложная мифология и т. д., имелись во многих обществах раннегосударственной (и даже иногда догосударственной) стадии. Но вот письменность встречается редко. Поэтому

говорить о цивилизациях для большинства ранних государств в том же смысле, как мы говорим о них в Египте, Месопотамии, Китае, Индии, невозможно.

Значит, **цивилизогенез был не единственным, а одним из направлений культурно-религиозных изменений**, но таким направлением, за которым было большое будущее. Для вторичного стейтогенеза цивилизогенез мог не требоваться. В государствах, возникших на периферии (в лесах и степях), стейтогенез мог длительное время опережать культурные изменения. В лучшем случае варварские державы после сотен лет отсутствия письменности начинали заимствовать передовые культуры, поскольку раньше или позже государствам уже требовалась какая-то идеология.

Следовательно, хотя в социальных организмах раннего государственной стадии культурные изменения, связанные с усложнением общества, непременно должны были быть, но обязательное появление именно цивилизации требовалось только для первичного стейтогенеза.

Выше шла речь о цивилизациях, которые условно можно назвать государственными, поскольку их формирование и расцвет связаны с формированием определенных государств. Рождение же цивилизаций более высокого типа, связанных с мировыми религиями, требовало иных условий. Связь с политогенезом здесь гораздо более опосредованная.

6. Политогенез и социальная структура

6. 1. Общие процессы

По мере усложнения социумов все более заметную роль, помимо половозрастных, начинают играть и собственно социальные характеристики людей. Сначала они определяли только положение конкретного индивида, но не его потомков, позже во многих случаях становятся наследственными. Новые формы организации обществ и межобщественных отношений неизбежно открывали новые возможности для повышения социального статуса. Этого можно было достигнуть, например, разбогатев; вступив в

какую-либо корпорацию и достигнув там высокого положения; заняв какую-нибудь должность; совершив выдающееся деяние и т. п. Весьма часто такой статус удавалось закрепить в поколениях. Тем самым какие-то группы и линии приобретают постоянные преимущества. В результате всех этих изменений социальная структура существенно усложнялась и приходила в несоответствие со старыми институтами и установками.

Догосударственная стадия связана с закреплением за людьми определенных социальных характеристик, и уже в ней – особенно к ее концу – **намечается разделение социума на элиту и основную массу**. Такое деление, конечно, часто было весьма нечетким и далеко не везде играло большую роль, равно как социальное неравенство и различные, связанные с ним преимущества могли быть не слишком существенными. Однако кое-где элита начинала сосредоточивать в своих руках ключевые и наиболее престижные виды деятельности, среди которых управление и война занимали важное место.

Вторая – раннегосударственная – стадия в целом связана с процессом разделения общества на достаточно устойчивые социальные группы, слои или части. Механизм жесткого закрепления статуса в потомстве, вместе с особым правом старшего сына (своего рода «майоратом») и другими традициями отсекал большинство людей от высокого статуса и привилегий. Нередко социальная иерархия институционализировалась. Имущественное неравенство играло большую роль. Но, как уже говорилось ранее, богатство чаще совмещается с рангом, статусом, сословным или должностным положением, чем само по себе становится главным условием неравенства. Поэтому богатство и высокий формальный статус могли и не совпадать⁷⁰.

---

⁷⁰ Например, на Гавайях, где существовала система наследственных рангов, было немало богатых людей, не имеющих высокого ранга (см.: Earle T. K. Hawaiian Islands. P. 80). А Сервис подчеркивал, что для достижения персональной политической власти личного богатства не требовалось (Service E. R. Origins of the State and Civilization. P. 8).

Формы образований и конкретная конфигурация социальной структуры весьма и весьма разнообразны. Это может зависеть и от того, какие принципы, иерархические или неиерархические, заложены в организацию общества. Кроме того, – и это очень важно подчеркнуть, – **достаточно часто значительное развитие социальной стратификации, особенно ее жесткость, находится в оппозиции продвинутым политическим процессам.**

Иначе говоря, там, где быстро складывается государство, не требуется жесткой социальной структуры. Независимая аристократия, равно как и слабая социальная мобильность людей будут в известной мере помехой складывающейся самодержавной власти и бюрократии. В ранних ирригационных государствах крепкая политическая власть препятствовала возникновению жестких сословий. Характерным примером являются Египет, Китай, Индокитай, где сословные перегородки всегда были слабыми⁷¹. Лишь на более поздних стадиях политогенеза (и то далеко не везде) возникло органичное сочетание централизованной власти и сословного деления.

Там же, где до появления государства складывается заметное сословное деление, можно говорить об образовании аналогов ранних государств, которые превращаются в собственно государства много позже. В таких аналогах политические процессы играют в целом подчиненную роль по сравнению с процессами социальной стратификации, а сословные крепления вполне заменяли политические и административные. Указанные аналоги могли достигать больших размеров и численности населения иногда в сто-двести тысяч человек. Но развитие их было замедленным по сравнению с ранними государствами. Здесь нельзя было создать крепкую административную машину. Мало того, когда в таких обществах выбирали верховных правителей, то ограничивали их полномочия, усложняли возможность передачи власти по прямой линии, выбирали соправителей и т. п.

---

⁷¹ «Неустойчивость социальных перегородок» характерна для вьетского общества (Вьетнам) и большинства обществ Юго-Восточной Азии (см. Деопик Д. В. История Вьетнама. С. 5).

Вообще сословность могла образовываться разными путями: иногда интегрировались наиболее привилегированные группы (линии) родов, кланов и общин; порой верхние сословия образовывались из немногих привилегированных родов, у которых главные линии становились высшим сословием, а боковые – вторым по значимости; иной раз завоеватели становились высшим сословием и т. д. Надо также учитывать, что представление об особой родовитости требовало заключать браки с соответствующим кругом, что закрепляло аристократический статус.

В некоторых случаях было три сословия (саксы, некоторые кельтские и италийские народности), или даже четыре (индоарии⁷²), плюс внесословные категории (рабы и т. п.). Лидерствовать могло как жречество (у индоариев), так и родовая аристократия (например, у ряда германских племен). Такого рода стратификация, естественно, закрепляла все должности за знатью, которая обзаводилась своими дружинами, клиентелой, источниками дохода и контролировала политические процессы. Например, знатные галлы (перед завоеванием Юлия Цезаря) имели по нескольку сот, а самые знатные по нескольку тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов⁷³.

В обществах, организованных иерархически, сословия могли представлять пирамидальную систему, во главе с имеющим большую власть правителем. Такая ситуация была, в частности, в Полинезии. Здесь политическая, экономическая, сословная, а часто и сакральная власти объединились в очень крепкий сплав.

В ранних государствах, не основанных на интенсивном и высокопродуктивном земледелии, сакрально-политическая власть сочеталась с образованием подобия сословий

---

⁷² Правда, варна шудр скорее всего возникла позже трех высших (брахманов, кшатриев и вайш) (См., например, Бонгард-Левин Т. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. С. 166.)

⁷³ См.: История Франции. Т. 1. С. 20.

(как в Африке). Но они не были столь крепкими, как в Океании. Зато вся надстройка опиралась на сложный конгломерат корпораций, вождеств, сельских и городских общин, каст, объединявших порой много общин. Между собой эти единицы различались по статусу и привилегиям.

В ряде обществ (например, у кочевников) элита представляла собой родовую верхушку, обычно имевшую богатые хозяйства с зависимыми или наемными работниками. Хотя встречалась и обедневшая знать. Порой здесь возникали достаточно устойчивые политические образования во главе с верховным вождем, где элита контролировала в основном внешние источники обогащения (войну и торговлю) и где внутренняя эксплуатация была относительно слабой, а аппарат управления почти отсутствовал. А иногда на такой базе появлялись и крупные политические образования (особого рода аналоги государства), внешне напоминавшие крупные государства или империи⁷⁴.

В отдельных местах возникают городские общества. Если они были торговыми, то социальное разделение шло по имущественному признаку, который, однако, нередко закреплялся и особым статусом. Городские общины достаточно часто были самоуправляемыми, могли распространять влияние на окружающую сельскую территорию. В них создавался различный тип управления: аристократический, олигархический или иногда демократический. В некоторых местах, где территория вождества (или резиденция вождя) превратилась в город, сам вождь становился царем. Но власть царя обычно не была тиранической, а порой, как в Риме, напоминала конституционную монархию. Иногда городские общины даже приглашали правителей.

6. 2. Смена элит и политогенез

Ряд постпервобытных процессов, особенно развитие и закрепление неравенства, ход и направление политогенеза

---

⁷⁴ См. об этом, например, Крадин Н. Н. Кочевые общества.

напрямую связаны со сменой элит⁷⁵. Можно утверждать, что на пути к вождествам, городам, храмовым образованиям и тем более государству происходила неоднократная смена и/или трансформация элит. Она вызывалась как усложнением и увеличением обществ, объемов производства и прочего, так и в связи с конкуренцией и прямой борьбой элит. На положение элиты могли повлиять различные вещи: перемены в размерах и направленности хозяйства, изменения в религии, отношения с другими обществами и т. п.⁷⁶ И наоборот, борьба элит, их соперничество влияли на ход многих процессов, включая рост или упадок производства⁷⁷.

В отношении элиты очень верным будет утверждение о том, что конкуренция и соперничество – могучие движущие силы развития. Для поддержания и укрепления своего положения нередко необходимо было бороться. И такая борьба, происходившая в самых разных формах, играла важную роль в развитии политогенеза и других процессов. Соперничество элит следует рассматривать не только как внутреннее явление, но и как конкуренцию между социумами, которыми руководили элиты, за доминирование и лидерство.

Но выстроить какую-то четкую линию смены элит затруднительно, поскольку в каждом обществе это зависело от множества обстоятельств. Поэтому в общеэволюцион-

---

⁷⁵ В литературе неоднократно высказывалась мысль, что направление хода политогенеза может сильно зависеть от того, кто, какая элита находится во главе общества. Такие идеи, в частности, высказывали Л. Е. Куббель и А. М. Хазанов.

⁷⁶ Например, усиление роли войн могло способствовать переходу руководства от старшего возрастного класса к средним (молодых или средних лет мужчин), ведь люди в возрасте не могли соперничать в силе и воинской доблести с более молодыми. Естественно, что и лидеры общества начинали выдвигаться из воинов. Так происходило, в частности, у бини (Бенин), где военный лидер, будущий глава вождества, выделялся из среднего возрастного класса, что уменьшало роль старшего поколения (см.: Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин... С. 21–22).

⁷⁷ Например, на Гавайях, где среди вождей было соперничество за контроль над населением, вожди внедряли такие капитальные достижения, как рыбные пруды, ирригационные системы, освоение земель, для того чтобы увеличить свой доход и за счет этого – свою военную мощь (Johnson A. W. & Earle T. *The Evolution of Human Societies*. P. 27).

ном смысле о порядке смены элит можно говорить только в самом абстрактном виде. Естественно, что и названия элит, которые даются ниже, весьма условны.

В догосударственной стадии просматриваются две главные ступени. У ранних земледельцев и скотоводов можно говорить о выделении **элиты авторитета и традиций**. Она представляет собой достаточно пеструю смесь людей, по каким-либо причинам особо уважаемых, внушающих страх или так или иначе выделившихся: религиозных деятелей, глав групп и руководителей разного рода, профессионалов (включая ремесленников, артистов и мыслителей), людей, совершивших выдающиеся деяния, разбогатевших, обладающих необычными способностями; тех, кто имел какие-то особые привилегии (например, первопоселенцы) или статус. Главная особенность этой элиты – она очень сильно связана с личными качествами людей, а привилегии не слишком значительны, даже если они и воспроизводятся в поколениях. Но чаще у всех членов одного поколения и пола возможности формально более или менее равные.

По мере укрупнения обществ, появления большего прибавочного продукта, имущественного неравенства, роста числа лидеров в разных областях жизни возникает **элита лидерства и статуса**, представители которой все заметнее отличаются своим статусом, все прочнее закрепляют личные и групповые преимущества в поколениях, **все сильнее из неформальных лидеров становятся формальными**. В таких обществах могло быть и прямое соперничество вплоть до физической или вооруженной борьбы между разными лицами и группами, претендующими на лидерство, например, между политическими и духовными руководителями, между родами и т. д.

На раннегосударственной стадии условно можно говорить о формировании **элиты власти и богатства**, привилегии которой могут быть основаны на родовитости (аристократия), авторитете идеологии, занимаемых должностях, военной силе, праве завоевателя и т. д. В некоторых случа-

ях авторитет элиты становится таким, что она берет в свои руки все: управление, войну, религиозные дела, суд и нормотворчество, идеологию. Но не менее частный случай – профессионализация, то есть формирование духовной, плутократической, административной, военной элит, между которыми идет соперничество и борьба за лидерство. Конкретные результаты борьбы зависят во многом от конкретных обстоятельств. Например, даже там, где, казалось бы, власть вождя непререкаема, иной раз вперед выходит жречество⁷⁸.

Но все чаще начинает побеждать военная и/или административная элиты. Вместе они создают **политическую** в широком смысле элиту, то есть такую, которая сама является частью военного и/или административного аппарата или контролирует его в своих целях (как, скажем, афинская аристократия VII–VI вв. до н. э. использовала суды).

Но еще долго идет борьба между родовой (несменяемой с наследственной должности) аристократией и новой знатью: военной, служивой, дворцовой, а также между правителем и аристократией; правителем и жречеством; жречеством и военной знатью. Например, в древней Индии за руководящее положение в обществе возникала борьба между брахманами и кшатриями⁷⁹, а за право распределять подати – между брахманами и раджами (царями)⁸⁰.

Нередко там, где власть в обществе виделась ученым абсолютной, более поздние исследования обнаруживают существенно иную картину. Работа Гила Стейна «Структура и соперничество социальных групп в ранних месопотамских государствах»⁸¹ посвящена анализу такой ситуации

---

⁷⁸ Даже в Полинезии, где, «как правило, управление хозяйственной и социальной жизнью было сосредоточено в руках вождей», «жрецы иногда подчиняли себе верховного вождя и фактически захватывали власть над островом. Так, Э. Граффе отмечал, что островом Нанумеа, где было два вождя и семь жрецов, управляли последние. На Фунафути жрец пользовался большим влиянием, чем верховный вождь (алики)» (Бутинов Н. А. Полинезийцы островов Тувалу. С. 33–34).

⁷⁹ Бонгард-Левин Т. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. С. 166.

⁸⁰ Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество. С. 117.

⁸¹ Stein G. “Who Was King? Who Was Not King?” Social Group Composition and Competition in Early Mesopotamian State Societies.

в Древней Месопотамии. Автор опровергает представление, что это общество в раннединастический период было «гомогенным, высокоцентрализованным», в котором правительство «контролировало фактически каждый аспект экономики, политики и социальной жизни»⁸². Он считает, что в центр внимания в качестве решающих факторов, взаимодействие между которыми и определило строение месопотамского общества, следовало бы поставить роль гетерогенности, случайности и *соперничества* между различными частями общества и групповыми интересами⁸³.

Вероятно, что в раннегосударственной стадии борьба элит становится еще более напряженной. Во-первых, ставки теперь существенно повышаются по сравнению с прежними временами, поскольку власть дает огромные преимущества и привилегии. Во-вторых, соперничество элит – это часто и борьба различных претендентов на престол или титул, например, младших и старших ветвей.

Эта и другая политическая борьба очень часто имела следствием изгнание или добровольный уход части людей, во главе с предводителем, которые либо устраивались на новых незаселенных местах, либо захватывали чужие территории. Важно отметить, что все это способствовало развитию политических форм и режимов и их многообразию, поскольку на новом месте очень часто люди не просто копируют старое, а рафинируют и изменяют его, устраняя отжившее, приспособлявая к конкретным условиям.

7. Политогенез и война

7. 1. Концентрация вооруженной силы и политическая власть

Власть всегда имеет какую-то силу, обычно даже не одного свойства (духовную, авторитет и харизму, традиции, судебную, военную и т. д.), но вовсе не обязательно, что военная сила будет главной. Власть нередко обходилась и без нее (например, опираясь на страх перед сверхъестественны-

---

⁸² Stein G. Op. cit. P. 205.

⁸³ Stein G. Op. cit. P. 207 (выделено мной. – Л. Г.).

ми способностями правителя), либо физическую силу применяли уже после того, как власть дала санкцию заинтересованной стороне или, так сказать, «инициативной группе»⁸⁴.

С другой стороны, концентрация силы может идти без концентрации власти, особенно верховной. Жители городов и населенных пунктов, например, создавали ополчение и отряды самообороны, что не требовало какой-то особой не подконтрольной народу власти. Иногда власть и сила как бы распределялась среди элиты, создающей частные дружины или охрану.

Таким образом, накопления вооруженной силы и власти необязательно шли в симбиозе. Однако такая комбинация оказалась наиболее удачной. В результате укрепилась жизненно важная связь власти и вооруженной силы, которая могла выражаться в появлении профессионального войска, или – если народ участвовал в войне и имел оружие – в создании особого офицерского корпуса, или в особом порядке продвижения командиров по службе, или в привлечении на службу иностранцев и т. п. В конце концов вооруженная сила стала инструментом в руках власти для подчинения населения, а также орудием борьбы за власть.

Таким образом, **по мере развития политогенеза и особенно стейтогенеза, политическая власть все заметнее связывается с наличием определенным образом организованной вооруженной силы, обязанной или желающей выполнять приказы власти и охранять ее.** И чем профессиональнее была эта сила, чем теснее была ее связь с властью, тем больше это говорило о продвижении политогенеза.

7. 2. Роль войн

В споре о возникновении государства, как считает Джеймс Амброзино, «роль и воздействие внешних социальных факторов, то есть таких стимулов, которые созда-

---

⁸⁴ Подобные группы были весьма распространены, и вплоть до недавнего времени они могли возникать в местах, где население привыкло само вершить суд и расправу (тот же знаменитый суд Линча, расправы по решению общинного мира в России и т. д.). Собственно судебная власть длительное время так и поступала, предоставляя только решение, а исполнение оставляла заинтересованной стороне.

ются контактами с чужими обществами, практически игнорировались»⁸⁵. Но если роль торговли, культурных и иных заимствований и влияний в той или иной мере все же учитывается, то значение войн в политогенезе и стейтогенезе многие, если не большинство исследователей, однозначно занижают.

Конечно, взгляды прежних исследователей, вроде Л. Гумпловича и Ф. Оппенгаймера, считавших, что государство рождается из простого завоевания одного народа другим, справедливо отвергнуты как слишком примитивные. Но ошибки столетней давности не означают, что войны не играют важнейшей роли в политогенезе. Совсем напротив. И если мирный путь политогенеза, не связанный с войной, в тех или иных случаях на каких-то этапах возможен, то **отсутствие военного фактора (в каком-либо виде) в процессе образования и формирования раннего государства является разве лишь исключением**. Под военным фактором я понимаю ситуацию, так или иначе связанную либо с ведением войн (агрессивных или оборонительных), либо с подготовкой к ним, либо с прямым завоеванием (подчинением) каких-либо социумов с помощью военной силы.

Однако важно отметить, что пропорции и вариации этого фактора, степень его влияния в разных обществах сильно разнятся. Иными словами, иногда он является решающим для стейтогенеза, иногда – только одним из главных, иной раз – сопутствующим.

Развитие политических форм, и особенно государства, всегда является сложной комбинацией внутреннего развития и внешних влияний. Поэтому война, и даже завоевание без внутренней готовности хотя бы одного из враждующих обществ к такой трансформации, не образует государства. Простое воцеление даже при самой удачной войне не станет государством, если для последнего нет нужных экономических, идеологических и социальных предпосылок. Во многих случаях сотни лет соперничества и войн между по-

---

⁸⁵ Ambrosino J. N. Inter-societal contact and the rise of the state... P. 54.

литическими образованиями так и не приводили к образованию государств.

Совершенно очевидно, что для перехода к раннему государству нужны определенный объем прибавочного продукта и престижных благ, численность и плотность населения, достаточная его культурная однородность, наличие какой-то более или менее развитой идеологии. Все это – та питательная среда, внутри которой только и могут с достаточной силой идти процессы социального расслоения, аккумуляции благ, возникновения центров власти. Естественно, что сама по себе война не может ни создать прибавочный продукт, ни увеличить население. Поэтому подготовительная работа идет в основном за счет невоенных процессов.

В связи со сказанным роль войны выглядит по-разному для первичного и вторичного стейтогенеза. Если война, военный грабеж и военная эксплуатация – основа «политической экономии» общества⁸⁶, главный источник обогащения, главный сектор интенсивного «хозяйствования», их роль сильно повышается. И война нередко становилась основой создания материальной базы для вторичного и третичного стейтогенеза, когда начинала выполнять псевдопроизводственную роль для паразитирующего на ней общества. Роль войны повышается также по мере формирования государственных институтов у соседей и их распространения, а также с развитием военного дела. В этом плане, чем позднее стейтогенез, тем заметнее в нем роль войн. Есть много примеров, когда именно завоевание (или мобилизация для обороны, часто переходящей в захват) и является тем переломным моментом, который позволяет образовать государство.

Первичный стейтогенез проходил в условиях избыточного сельского хозяйства. И поскольку внутренний продукт был велик, внешние источники обогащения играли мень-

---

⁸⁶ Джонсон и Ёрл выделяют экономию жизнеобеспечивающей деятельности и «политическую экономию», связанную с особыми интересами и самосохранением элиты (Johnson A. W. & Earle T. *The Evolution of Human Societies*. P. 22–27).

шую роль. Но и в условиях производства большого излишка имелось неизбежное соперничество и борьба за первенство между образовавшимися аналогами государства. **Война в этой ситуации, образно говоря, выполняла роль своего рода формовки, которая придавала уже готовой массе нужную форму, а процессам нужное направление**⁸⁷. Иными словами, войны в этих случаях способствовали быстрой трансформации аналогов государства в государство, увеличивали роль административных и силовых рычагов в управлении обществом.

Поэтому я не согласен с идеей Классена и других исключить войну и завоевание из необходимых факторов, «которые направляют процесс социально-политической эволюции» к образованию раннего государства⁸⁸. Мне кажется, что во взглядах Классена имеется противоречие. С одной стороны, он заявляет, что, помимо четырех основных причин для образования государства: нужного количества населения, определенной территории, продуктивного хозяйства и идеологии, – необходима еще такая, которая явится толчком для того, чтобы государство сформировалось. Он очень верно отмечает, что эту причину можно рассматривать как пятое необходимое условие. Но среди таких провоцирующих нужное развитие причин он как-то упорно обходит войну⁸⁹. А какая еще такого рода причина может быть более распространенной, чем война?

Для понимания роли военного фактора стоит также обратить внимание на следующее. Никакой фактор – в том числе и военный – не может быть не только единственным, но даже основным для политогенеза и стейтогенеза в целом, хотя в отдельных конкретных случаях те или иные

---

⁸⁷ И тут я вновь согласен с Дж. Амброзино, что при анализе возникновения первичных государств воздействие на них других обществ (а война – важнейшее из таких воздействий. – *Л. Г.*) теоретически выпускается из вида (Ambrosino J. N. *Op. cit.* P. 54). Я бы даже сказал, что внешнее воздействие особенно игнорируется для первичного стейтогенеза, поскольку роль заимствований и войн для вторичного стейтогенеза более очевидна.

⁸⁸ Claessen H. J. M. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. P. 3.

⁸⁹ См. Claessen H. J. M. Was the State Inevitable? P. 110–111.

причины могут доминировать. Для перехода к качественно новому эволюция требует развития разных сторон и сфер. Но в конкретных обществах обычно существует диспропорция: какие-то сферы и процессы развиваются лучше и быстрее, а какие-то намного хуже и медленнее. Поэтому комплексное развитие достигается за счет взаимодействия многих обществ и то далеко не сразу. Война в этом отношении сильно способствует подготовке необходимых условий для эволюционного рывка.

Кроме того, военный фактор имеет ряд особенностей по сравнению с другими. Во-первых, он может выступать одновременно и как внутренний, и как внешний, чего не скажешь, например, о социальном неравенстве. Во-вторых, он едва ли не чаще, чем остальные, требует разрыва с традицией, а переход к качественно новому без этого невозможен или затруднен. В-третьих, война лучше остальных факторов заставляет общества и элиты мобилизовывать силы и ресурсы, напрягать силы и активизироваться, является наиболее жестким и быстрым орудием социального отбора. Войны ведут к разнообразным комбинациям, в результате чего время от времени находят перспективные варианты. В-четвертых, при внутренней подготовленности и благоприятных обстоятельствах война – наиболее быстрый способ интеграции, кратчайший путь к решению многих проблем. Нельзя забывать, что войны исключительно способствуют концентрации населения в определенных местах. Наконец, как только война становится распространенной и почетной, процесс начинает сам себя подпитывать и усиливать. Война порождает войну.

Роль войн исключительно важна и для догосударственной стадии политогенеза, в которой идет переход от неупорядоченных, сумбурных военных столкновений к тому, чтобы война стала постоянным фактором и важным источником приобретения социального статуса. Для внутренней стратификации войны еще не имели решающего значения, но они создавали возможность интеграции обществ в будущем в крупные политии.

По мере образования самоуправляемых обществ и общин, вождеств и иных политий размером до нескольких тысяч человек обнаруживался предел интеграции мирным путем. Конечно, бывало, что социумы могли мирно интегрироваться, например, вокруг храма или города до очень крупных размеров⁹⁰. Но в большинстве случаев склонить соседей к подчинению или объединению было весьма трудно. И в интеграции все более важную роль играли войны. Поэтому предгосударственный этап догосударственной стадии длился сотни лет, поэтому эта эпоха часто отражается в эпосе именно как богатырская, время великих подвигов и воинов. Можно считать, что скопление мелких конкурирующих политических организмов в определенных местах повышало роль войн в стейтогенезе.

Таким образом, без постоянного соперничества и без военных поражений развитие шло медленно. Ведь если с помощью религии или традиции можно заставить основное население подчиниться несправедливости и эксплуатации, то эти средства уже не годятся в отношении равного тебе по статусу правителя или суверенной политики. Здесь заставить подчиниться способна только сила либо общая угроза, которая требует совместного объединения или поиска покровительства. Вокруг сакрального центра можно в отдельных случаях объединить даже сотни тысяч людей, но сакральный центр не спасет от врагов. Разумеется, и одной силы было также недостаточно, требовались и другие условия, в том числе нужные идеология, ментальность, концентрация этничности, хозяйственная выгода и прочее.

Однако мне думается, что в развитии любой политики (группы политий) можно проследить чередование мирных и военных периодов, связанных, помимо массы разных об-

---

⁹⁰ Например, по мнению Ричарда Шедела, доинкское вождество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия (Schaedel R. The temporal variants of proto-state societies. P. 52)

стоятельств, с этапами ее развития и необходимостью то расширяться (война), то решить внутренние проблемы и интегрировать новые объемы (мирный период).

* * *

Таким образом, мы видим, что в течение догосударственной стадии в обществах накапливаются различные формы неравенства. А неравенство для своего поддержания, укрепления и развития требует обладания какой-либо властью, создающей у одних уверенность в правомерности своего превосходства, а у других – убежденности в необходимости подчиняться. Переход на вторую стадию политогенеза связан с заметной концентрацией или даже монополизацией власти. Но среди политий этой стадии было большое разнообразие форм. Какими признаками выделялись среди них ранние государства, какие условия требуются для стейтогенеза, мы увидим в третьей части.

ЛИТЕРАТУРА

Бонгард-Левин Т. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. – М.: Наука, 1969.

Бондаренко Д. М. Община и организация земледельческого производства в доколониальном Бенине / Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика / Сост. и отв. ред. В. А. Попов (с. 93–108). – СПб.: МАЭ РАН, 2000.

Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов: Автореф. дис... д-ра ист. наук. – М.: Институт Африки РАН, 2000.

Бутинов Н. А. Полинезийцы островов Тувалу. – М.: Наука, 1982.

Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М.: Изд. группа «Прогресс» и др., 1993.

Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // *Философия и общество*. – 1997–2001.

Гринин Л. Е. Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса) // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. – 1999. – № 1 (с.17–27).

Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. – М.: Теис, 2000.

Гринин Л. Е. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства) // *Философия и общество*. – 2001. – № 4 (с. 5–60).

Дюпон Д. В. История Вьетнама: В 2 частях. – Ч. 1 – М.: МГУ, 1994.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / Под. ред. И. М. Дьяконова – М.: Наука, 1983.

История Китая с древнейших времен до наших дней / Под. ред. Л. В. Симонюк и М. Ф. Юрьева. – М.: Главная редакция восточной литературы из-ва «Наука», 1974.

История Норвегии. – М.: Наука, 1980.

История Франции: В 3 т. – Т.1. – М.: Наука, 1972.

Крадин Н. Н. Кочевые общества. – Владивосток: Дальнаука, 1992.

Крадин Н. Н. Политическая антропология. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001.

Крадин Н. Н. Кочевники в мировом историческом процессе // *Философия и общество*. – 2001. – № 2 (с. 108–137).

Коротаев А. В. Некоторые экономические предпосылки классобразования и политогенеза / Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития (с. 136–191): Сб. научных трудов. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991.

Кочакова Н. Б. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикации Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). – М.: Институт Африки РАН, 1999.

Куббель Л. Е. Очерки постарно-политической этнографии. – М.: Наука, 1988.

Куббель Л. Е. «Страна золота» – века, культуры, государства. 2-е изд., пер. и доп. – М.: Наука, 1990.

Народы мира. Историко-этнографический справочник. – М.: Советская энциклопедия, 1988.

Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) / Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. (с. 596–617). – М.: Наука, 1968.

Община в Африке: проблемы типологии. – М.: Наука, 1978.

Ольгерсон Э. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии / Пер. с исл. – М.: ИЛ, 1957.

Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1980.

Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987.

Alternatives of Social Evolution. – Eds. N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munsk and P. K. Wason. – Vladivostok: FEB RAS, 2000.

Alternative Pathways to Early State (International Symposium)/ Eds. N. N. Kradin & V. A. Lynsha. – Vladivostok: Dal' nauka, 1995.

Ambrosino J. N. Inter-societal contact and the rise of the state: a brief note work in progress/ *Alternative Pathways to Early State* (pp. 54–59).

Berezkin Y. E. Alternative models of middle range society. “Individualistic” Asia vs. “collectivistic” America?/ *Alternative Pathways to Early State* (pp.75–83).

Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. *Alternative Pathways of Social Evolution // Social Evolution & History – 2002– V.1, № 1* (pp. 54–79).

Carneiro R. A. Theory of the Origin of the State // *Science*, 1970, 169 (pp. 733–738).

Carneiro R. L. Process VS. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State / *Alternatives of Social Evolution* (pp. 52–58).

Carneiro R. L. Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? // *Social Evolution & History – 2002 – V.1, № 1* (pp. 80–100).

Chase-Dunn C. and Hall T. D. *Rise and Demise: Comparing World-Systems – Boulder, CO: Westview Press, 1997.*

- Claessen H. J. M.** Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism/ Alternatives of Social Evolution (pp. 1–11).
- Claessen H. J. M.** Was the State Inevitable?/ Social Evolution & History – 2002 – V.1, № 1 (pp. 101–117).
- Dennen J. M. G. van der.** The Origin of War. The Evolution of a Male-Coalitional Reproductive Strategy. V.1. – Croningen (the Netherlands): Origin Press, 1995.
- Earle T. K.** How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. – Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1997.
- Earle T. K.** Institutionalization of Chiefdoms. Why Landscapes Are Built/ From Leaders to Rulers (pp. 105–124).
- Earle T. K.** Hawaiian Islands (AD 800–1824) / Civiizational Models of Politogenesis (pp. 73–86). – Moscow: Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences, 2000.
- Fried M. H.** The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. – N.Y.: Random House, 1967.
- From Leaders to Rulers.** – Ed. by J. Haas – N.Y.: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2001.
- Haas J.** The Roads to statehood / Alternative Pathways to Early State (pp.16–18).
- Johnson A. W. & Earle T. K.** The Evolution of Human Societies: from foraging group to agrarian state. Second Ed.– Stanford, Cal.: Stanford University Press, 2000.
- Lozny L.** The Transition to statehood in Central Europe/ Alternative Pathways to Early State (pp. 84–92).
- Marcus J. and Feinman G. M.** Introduction / Archaic States. Ed. by Gary M. Feinman and Joyce Marcus (pp. 3–13). – Santa Fe - New Mexico: School of American Research Press, 1998.
- Quigley D.** Is a Theory of Caste still Possible?/ Social Evolution & History – 2002 – V.1, № 1(pp. 140–170).
- Sahlins M. D.** Stone Age Economics. – Chicago: Aldine, 1972.
- Schaedel R.** The temporal variants of proto-state societies / Alternative Pathways to Early State (pp. 47–53).
- Service E. R.** Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. – N.Y.: Norton, 1975.
- Spenser C. S.** The Political Economy of Pristine State Formation / Alternatives of Social Evolution (pp.154–165).
- Stein G.** “Who Was King? Who Was Not King?” Social Group Composition and Competition in Early Mesopotamian State Societies / From Leaders to Rulers (pp. 205–234).
- Steward J. H.** Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution. – Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1972.
- The Early State** / Eds. Claessen H. J. M. & Scalnik P. – The Hague: Mouton, 1978.
- Wason P. K. and Baldia M. O.** Religion, Communication, and Genesis of Social Complexity in European Neolithic/ Alternatives of Social Evolution (pp. 138–149).